Двум смертям не бывать

Автор:
Наталья Шнейдер

Двум смертям не бывать

Наталья Шнейдер

Отправляясь в чужую страну, Рамон знает, что не вернется. Когда-то ведьма прокляла их род и ни один мужчина не доживает до двадцати двух. Знает он и что ждет его за морем: старые друзья и новые битвы. Не знает только, что из-за той, кого он помнит ребенком, придётся выбирать между долгом и любовью.

Наталья Шнейдер

Двум смертям не бывать

Глава 1

– Благословляю тебя, сын мой. – Холодная ладонь коснулась лба.

Рамон поднес к губам узкую руку, поднялся с колен. Негромко звякнул доспех.

– Благодарю, матушка. Если позволишь, последняя просьба.

Голова, покрытая черной кисеей, чуть склонилась.

– Матушка, когда я… – Молодой человек осекся, поморщившись, продолжил: – Словом, не ищите тело. Доспехи и оружие наши люди привезут – если будет что

привозить. А мне все равно, где лежать.

– Как скажешь.

За длинной вдовьей вуалью не разобрать выражения глаз. Сколько Рамон помнил, лицо матери скрывала эта полупрозрачная ткань. Мальчишкой он мог часами разглядывать портрет на стене зала: молодой человек с рыцарской цепью на груди, рядом совсем юная жена чинно сложила руки на коленях. Отца Рамон не видел никогда.

Он окинул взглядом непривычно тихих двор: детей заперли в комнатах под присмотром нянек, нечего мельтешить под ногами. Встретился глазами с братом, хотел было спросить – не передумал ли. Промолчал. И без того вон невестка вцепилась в локоть Рихмера, как будто боится, что сбежит. Чуть поодаль насупившимися галками застыли вдовы старших братьев… бабье царство. Не сбежит от вас Рихмер, духу не хватит, а жаль. Только и останется, что еще одна плита с именем в семейном склепе.

Рамон коротко поклонился:

– Прощайте.

Принял у оруженосца шлем, вскочил на коня, не дожидаясь, пока парнишка придержит стремя, тронул поводья. Хлодий, оруженосец, пристроил своего коня позади. По правую руку встал Бертовин, много лет водивший копье[1 - Копье – отряд рыцаря.]. За спиной выстроились воины.

Проезжая мост, Рамон оглянулся. Во дворе ничего не изменилось, словно стоящие там люди были статуями.

– Не оглядывайся. Дурная примета, – проговорил Бертовин.

Рамон усмехнулся:

– Не мужчинам нашего рода бояться дурных примет.

– Знаю. Но ты не один. Люди смотрят.

– А то они не знают, чем дело кончится. Но ты прав: люди смотрят. Я буду помнить об этом.

Какое-то время ехали молча, лишь мерно чавкали копыта по весенней распутице, да чуть поскрипывали колеса телеги с провиантом. Редкие встречные крестьяне торопливо сворачивали на обочину, низко кланяясь.

– Насчет Хлодия не передумал? – спросил вдруг Рамон. – Еще не поздно отослать парня. Пошлю за оруженосцем к кому-нибудь из вассалов, никуда не денутся.

Вспыхнувшего лица юноши он словно бы не заметил. Мальчик рвется доказать, что уже не ребенок, но впереди отнюдь не турнир.

– Говорили уже, – ответил воин.

– Говорили. Но у тебя больше нет наследников.

Семью Бертовина два года назад унес мор, изрядно погулявший в этих краях. Сам Рамон тогда лишился жены, с которой успел прожить несколько месяцев. На могиле он был лишь во время похорон: увидел, как закрылась плита склепа, отделяя мертвых от живых, выслушал молитвы священника вперемешку с причитаниями матери: жаль, что детей не нажили. И ушел, чтобы больше не возвращаться. Он не выносил кладбища. А вот Бертовин у своих бывал частенько.

– Тогда спрошу прямо: тебя смущает только это? Или то, что оруженосец – не юноша знатного рода, как того требует обычай, а сын бастарда твоего деда?

Рамон поморщился:

– Брось. Я же сам взял его в оруженосцы пару лет назад, когда вернулся с запада. Хоть матушка и фыркала. И ни разу не пожалел: парень смышлен и расторопен. Но…

– Что ж, если говорить о благе моего сына, – сказал Бертовин, поняв, что продолжения не последует, – то повторю то, о чем уже говорил: замок превратился в болото. Хлодию будет полезно посмотреть, что да как у других.

Пообтереться в обществе.

– И привыкнуть к пересудам за спиной, – хмыкнул Рамон. – Хотя нашей семье и прощают то, что никогда бы не сошло с рук другим, сплетен все равно будет предостаточно. И все же он молод, а в Агене, помнится, не так уж тихо.

– Скажи-ка, а сколько лет было тебе, когда господин посвятил в рыцари вопреки всем правилам?

– Пятнадцать. Нашел, что в пример взять. Мне деваться некуда было.

– Вот и ему – пятнадцать, – хмыкнул Бертовин. – Всем нам некуда деваться. И у всех впереди погост. Что ж теперь, всю жизнь только туда и глядеть?

Рамон пожал плечами:

– Ты отец. Поступай как знаешь.

– Да. И у меня была возможность увидеть, что вырастает из мальчишек, которых слишком оберегают.

Рамон помрачнел.

Он любил брата, насколько вообще можно любить человека, с которым удается свидеться от силы седмицу за год. Вплоть до последнего времени, когда Рамон поселился в родном замке, дома рыцарь бывал лишь урывками. Но как бы он ни относился к родичу, приходилось признать, воином тот был никудышным. Соседи и вовсе отзывались о Рихмере с изрядной долей пренебрежения: чего ждать от человека, который, не посоветовавшись с маменькой, ступить боится? Старшие – те люди как люди, а этот – ни в мать, ни в отца. Не будь двойняшки на одно лицо, точно бы про заезжего молодца разговоры пошли. А так… кабы нечисть какая подменила, облик приняв, – тогда бы, ясное дело, в церковь зайти не мог, а этот как все, каждую седмицу. Выходит, в семье не без урода… В лицо братьям никто, конечно, ничего подобного не говорил, но Рамон умел слышать недосказанное.

До семи лет близнецы росли не разлей вода. А когда пришло время отдавать их в ученье, матери стало жаль отпускать от себя младшенького, даром, что младше он был на четверть часа. И сколько ни уговаривал Бертовин, воспитывавший этих двоих с рождения, не разлучать братьев, переубедить госпожу не смог. Рамон отправился в столицу пажом к герцогу Авгульфу, Рихмера отдали в замок соседа, престарелого барона.

Следующие десять лет Рамон бывал дома лишь наездами, когда позволял господин. Да еще на похоронах старших братьев. Последние три года он и вовсе провел на Западе, сначала сопровождая сюзерена в качестве оруженосца, потом – как полноправный вассал водил копье под его знаменами. Вернувшись, Рамон хотел остаться дома насовсем. Даже женился. Невесту выбрала мать – но какая, в общем, разница? Была бы девица из приличной семьи, да с приданым, за последние пять поколений богатый некогда род изрядно оскудел. Но жена вскоре умерла, а сам Рамон постоянно ощущал себя лишним. То, что в его представлениях считалось доблестью, в глазах матери и брата выглядело нелепой прихотью взрослых детей, сменивших деревянных солдатиков на настоящие армии. И письмо от сюзерена, требовавшего к себе вассалов с трехмесячным запасом провианта, показалось посланием свыше.

Мать, узнав о предстоящем отъезде, лишь молча кивнула.

В последнюю ночь в замке Рамон проснулся от грохота. Откуда-то сами собой вернулись старые привычки, и он скатился с ложа, подхватив лежащий у изголовья нож, раньше, чем вспомнил, кто он и где. Дальше тело снова сработало бездумно: метнуться на слух к человеку в комнате, уронить, прижать коленом к полу, держа нож у горла…

– Сдурел? – раздался полузадушенный голос брата.

Рамон выругался, убирая колено с его лопаток.

– Какого рожна тебя принесло? Зарезал бы спросонья как куренка… – Он снова ругнулся.

Надо было вечером с вином поаккуратнее, допился, спросонья не помнит что и где. Вроде последние два года не водилось привычки просыпаться с ножом в руке, а тут – на тебе! Может, дело было в том, что мыслями Рамон уже был там,

на Западе, где из-за любого дерева нужно было ждать стрелы, а чужой в комнате мог оказаться только убийцей.

Светца на обычном месте не нашлось. Он обнаружился на полу, куда его в потемках смахнул Рихмер. Рамон вставил лучину в чугунный расщеп, высек огонь. Повторил, глядя на брата:

– Какого рожна ты тут делаешь?

– Не спится, – буркнул Рихмер, глядя снизу вверх и отчего-то не торопясь подниматься с каменного пола.

– Когда не спится, нужно к бабе под бок, а не по замку шататься. Или жена снова из постели выставила? Так нашел бы девку какую…

– Да ну ее, – брат махнул рукой. – Никуда не денется. Это ведь ты завтра уезжаешь, не она. Останусь тут опять один. В этом бабьем царстве. Пока не помру.

Он встал, пошатнулся, снова едва не смахнув на пол светец. Оперся о стол:

– Знал бы ты, как я тебе завидую… Ноги в руки – и поминай как звали. А мне тут с этими… расхлебывать.

Только сейчас Рамон сообразил, что от близнеца ощутимо несет хмельным. Вздохнул: похоже, выспаться перед дорогой не получится. Придержал Рихмера за локоть, усаживая на скамью.

– Погоди, сейчас приду. Попрошу, чтобы принесли горло промочить.

Брат мотнул головой, льняные волосы едва не задели огонь:

– Угу. Только вино не лезет. Пиво спроси, что ли.

– Я сейчас, – повторил Рамон и пошел будить слугу, от всей души надеясь, что, пока ходит, брата успеет сморить хмель. Каждый раз одно и то же. Сперва пьяные причитания, мол, как же все это надоело, пора, пора что-то делать.

Потом отговорки, маменька заругает, жена пилить будет. Наутро – то ли притворные, то ли настоящие слова о том, что не помнит, что он ночью молол, да и спьяну чего только нести не начинают. Почему Рихмер слова поперек матери не скажет, Рамон не понимал, да и не пытался понять.

Он нарочито медленно шел до комнаты, где спали слуги, вместо того чтобы просто позвонить в колокольчик. Потом ждал, пока принесут хлеб, пиво и холодное мясо, оставшееся с вечера.

Рихмер сидел, опустив лицо на скрещенные на столе руки. Рамон решил было, что брат все-таки уснул и будить его не стоит, но тот поднял голову, едва слуга вышел, прикрыв за собой дверь.

– Пить будешь? – спросил Рамон. Не дожидаясь ответа, налил пиво в две кружки, положил ломоть мяса на хлеб. И так понятно, что будет, стоило бы иначе посередь ночи за хмельным ходить.

– Кажется, оставшийся год я не дотяну, – сказал Рихмер, принимая пиво. – Сопьюсь раньше.

– Год?

– Ну да. Даже меньше – двадцать нам когда стукнуло?

– Два года. Неполных. Но мне легче думать, что два.

– Думай – не думай… – Рихмер опустил кружку. – Авдерик погиб через день после того, как ему исполнилось двадцать один. А ты говоришь: два…

– В ту ночь многие погибли. На то она и война.

– Ты видел, как он…

– Нет. Я тогда изо всех сил пытался не скопытиться и не наложить в штаны. Утром узнал.

Рихмер кивнул. Покрутил кружку между ладоней, вздохнул:

– Видел бы ты, что с матушкой творилось, когда тело привезли. Я грешным делом думал – рассудком повредилась. Вызвала меня от господина, а как приехал – вцепилась, ни на шаг не отпускает. Барон приехал обратно просить, она в ноги кинулась – мол, не забирай младшенького, старшие в чужих краях, хоть один в горе опорой будет. Чуть со стыда не умер.

– А что барон? – поинтересовался Рамон.

– А что барон? Помялся-помялся, да и согласился. Так и остался при мамкиной юбке.

– Ты раньше об этом не рассказывал.

– А ты не спрашивал. – Рихмер заглянул в опустевшую кружку, потянулся за кувшином. – А когда про Лейдебода весть пришла, совсем плохо стало. Матушка, видать, все семейные хроники подняла, и началось. На реку нельзя, утонешь. На охоту нельзя – зверь загрызет.

Рамон хмыкнул:

– Книжки читать не запретила? А то двоюродный дед, если не врут, книгу на ногу уронил. Оковкой ступню рассадил, через неделю от горячки умер. И мыться бы надо запретить, один из наших предков…

– Смешно тебе. А я не знал, куда от соседей деваться. Зовут то в гости, то на охоту, а я мямлю, точно красна девица, – мол, маменьке плохо, в другой раз.

– Так не мямлил бы. Встал да уехал. Взрослый уже на маменьку оглядываться.

– Однажды попробовал. Чуть не сутки прорыдала, пришлось за лекарем посылать, испугались, что нервная горячка случится.

– Да ладно тебе. Она, говорят, ни на одних похоронах не плакала. Что над мужем, что над сыновьями – ни слезинки.

– Вот тебе и ладно, – вздохнул Рихмер. – Какое там «уехал», шагу боюсь ступить.

Брат помолчал, медленно выстукивая пальцами по столу неведомую мелодию. Подался вперед:

– Собирайся. Завтра поедешь со мной. Или сгниешь в этом болоте.

– Тебе легко говорить. Ты-то свободен.

Рамон усмехнулся:

– Свободен? Просто до меня никому нет дела. Вот и вся цена той свободе. Но если то, что она сделала с тобой, называется любовью – в гробу я видал такую «любовь». Собирайся. Третий раз предлагать не буду: времени на раздумья не осталось.

Рихмер опустил голову:

– Не могу. Спокойной ночи, брат.

* * *

Замок стоял на одном из холмов, окружавших огромную зеленую чашу долины. Дорога шла по дну чаши среди клочков крестьянских полей, потом снова поднималась, кружа между холмами, а после пряталась в лес.

Рамон со спутниками ехали под низкими ветвями. Здесь дорога казалась ненаезженной, еще не разбитой, да она и была такой в это время года, когда пора весенних ярмарок еще не наступила. Именно поэтому Бертовин обратил внимание на две цепочки следов, четко выделяющиеся в мокрой грязи. Следы сворачивали в самую гущу леса.

Всадник придержал коня, спешился. Увидев вопросительный взгляд Рамона, негромко проговорил:

– Проверю. Некому в это время по лесу шастать.

Рамон кивнул. Лесничие, конечно, свое дело знали, но уезжать, не проверив, не стоило. За дровами его крестьяне могли ходить лишь на особо отведенные

делянки. И то среди соседей разрешение рубить дрова в господском лесу считалось неслыханным послаблением. Правду сказать, таких богатых лесов на соседских землях не было, там господа сами дрова покупали на вес.

Бертовин с парой спутников исчез среди подлеска, Рамон остался ждать. Долго скучать не пришлось: люди выволокли на дорогу парня и девушку.

Рамон хмыкнул было: заняться вам нечем, пусть их резвятся. Но следом за парочкой один из людей вынес наполовину ободранную косулю.

– Так, – произнес рыцарь, в упор глядя на парня. – Ты знаешь, что бывает с браконьерами? Девку-то зачем с собой потащил – больше посторожить некому было?

Крестьянин плюхнулся на колени:

– Не виноват я, господин. Мы в лес по другому делу шли. Свадьба осенью… дожидаться, что ли? А тут – в силках, дохлая уже… не утерпел, не пропадать же мясу. Пощади, господин.

– Дохлая, говоришь? – Рамон вопросительно посмотрел на Бертовина.

– Врет, – ответил тот. – Да сам посмотри: у нее горло перерезано. И теплая совсем.

Рыцарь не поленился спешиться, склонился к туше, сняв перчатку, прикоснулся к покрытой шкурой ноге. Выпрямился, пристально посмотрел на парня:

– Ну?

– Это не я! Мы на поляну вышли. Там человек какой-то был. Увидел нас, нож бросил и убежал. – Парень пополз на коленях, норовя обнять ноги. – Господин, пощади!

Рамон брезгливо отодвинулся.

– А шнур для силков тебе в мошну тоже какой-то человек подкинул? – поинтересовался Бертовин.

Крестьянин схватился за поясной кошель и понял, что попался. Взвыл, рухнул ниц.

– Девку-то зачем взял? – повторил Рамон. – Сторожить? Неужели больше некому было? Или впрямь думал, отговориться – мол, до свадьбы не дотерпели, а дома негде?

Не дожидаясь ответа, подошел к девушке, приподнял за подбородок, заглянул в лицо. Видно было, что ей понадобилось усилие, чтобы не шарахнуться прочь.

– Он и в самом деле твой жених?

– Да, господин, – прошелестела она.

Рамон перевел взгляд на парня:

– Отдай ее мне.

Девушка дернулась и тут же замерла, остановленная жесткой рукой.

– Будет ласкова – глядишь, и смилостивлюсь, – медленно проговорил рыцарь, не отрывая взгляд от перемазанного грязью, поросшего редкой бородкой лица.

– Забирай, господин, – вскинулся тот. – Делай что хочешь, только пощади!

Рамон долго молчал. Потом отпустил девичий подбородок, шагнул к парню.

– Что ты за мужчина, если готов откупиться честью своей женщины? Бертовин, этого – повесить. Она пусть идет.

– Господин! – теперь в ноги кинулась девушка. – Я буду ласковой, господин! Только отпусти его! Я сделаю все, что ты скажешь!

– Уходи, – отчеканил Рамон. – И быстро. Иначе мне, чего доброго, взбредет в голову отдать тебя моим людям.

Она охнула, подхватилась с колен, порскнула прочь. Двое подняли упирающегося парня, поволокли к дереву.

– Да чтоб ты сдох, сволочь!

– Сдохну, – ответил рыцарь. – Но позже, чем ты.

За спиной шевельнулся Хлодий:

– Рамон… господин, я прошу о милосердии.

– Нет, – не оборачиваясь, ответил тот.

Рамон взобрался в седло, тронул поводья, не дожидаясь, пока повисшее на веревке тело перестанет дергаться. Когда ветви деревьев скрыли повешенного, придержал коня, в упор глядя на оруженосца.

– Ты говорил о милосердии. Так вот, то, о чем ты просил, – это не милосердие. Он нарушил закон. Спусти это один раз, настанет и другой. Потом закона не станет вообще, а следом не станет и нас. Просто сожрут. Понял?

– Да. Но… зачем ты издевался над ним? Если не собирался его отпускать, зачем предлагал откупиться девчонкой?

Рамон усмехнулся.

– Хотел, чтобы ты увидел, до чего может дойти человек, пуще всего на свете ценящий свою жизнь. Увидел и запомнил.

Глава 2

С окрестных холмов лагерь было видно как на ладони. Низину у излучины реки покрывали яркие шатры в цветах рыцарских гербов, над шатрами реяли штандарты

(http://lib.rus.ec/b/345932/read). Ветер нес многоголосый гомон, лай собак, конское ржание.

Вблизи окружавший лагерь частокол выглядел не слишком добротно, а ворота оказались и вовсе распахнутыми.

– А где часовые? – изумился Хлодий

– Какие часовые? – хмыкнул Рамон. Оруженосец был прав, но то, что пишут в наставлениях для юношей, далеко не всегда совпадает с реальностью. – На западе все будет по-другому, но сейчас мы в своей стране. Так что пока ждем, когда все подтянутся, да в пути… сущий бордель на марше.

Словно в подтверждение его слов, за ближайшим полотнищем раздалась площадная брань. Из палатки вылетела рыдающая простоволосая девка, бросилась прочь.

Бертовин проводил ее взглядом.

– Госпожи здесь нет, мигом бы порядок навела.

– Только ее тут и не хватает, – проворчал Рамон. – Ладно, бери сына, идите за герольдом

(http://lib.rus.ec/b/345932/read) маркиза, пусть покажет, где становиться. А мы пока здесь подождем.

Искать герольда долго не пришлось. Его шатер стоял недалеко от стяга маркиза, младшего сына герцога Авгульфа. По приказу отца тот возглавлял войско в пути. Человек в цветах герцога показал Бертовину площадку, отведенную для Рамона и его копья, дождался, пока оруженосец сходит за господином, поклонился:

– Маркиз хочет видеть вас у себя. В любое время, когда вы сочтете нужным.

– Хорошо, – кивнул Рамон. – Тогда передай, что я сейчас.

Он обернулся к своим людям:

– Устраивайтесь тут. Хлодий, меня не дожидайся. Когда вернусь – не знаю.

Он огляделся, приметил штандарт маркиза и направился к нему, стараясь не потерять стяг из виду. Вскоре показался и шатер из крашенной в цвета герба – золото и чернь

(http://lib.rus.ec/b/345932/read) – ткани. Стоящий у полога латник поклонился:

– Господин ждет.

Рыцарь кивнул, шагнул за полотнище. Отвесил строго предписанный этикетом поклон.

– С каких это пор ты начал мне кланяться? – поинтересовался маркиз.

Рамон выпрямился, поднял взгляд на смеющееся лицо:

– Да кто тебя знает: за два года мог и вспомнить, что я как-никак твой вассал.

– Во-первых, моего отца. Я хоть и его наместник на этих землях, но все же не он. А во-вторых, брось эти церемонии. Здравствуй. Я скучал по тебе.

– Здравствуй, Дагобер.

Молодые люди обнялись.

– Садись, – продолжал маркиз. – Погоди, сейчас распоряжусь, чтобы принесли вина и больше никого не пускали. Рассказывай.

Рамон принял кубок у слуги, пожал плечами:

– Да не о чем рассказывать. Приехал. Отобрал у матушки дела. Никого не видел, ни о ком не слышал. Потом письмо пришло от герцога. Собрался и поехал.

Судя по всему, Дагобер и в походе не собирался отказываться от привычных удобств: стол выглядел тяжелым и добротным, стулья покрывала резьба, а посуда, которую слуги расторопно расставляли на столе, была серебряной.

– Я думал, останешься дома, кого из вассалов отправишь. Или щитовые деньги пришлешь.

Рамон подождал, пока маркиз возьмет с блюда кусок жаркого, потянулся за своей долей.

– Щитовые я сам собрал. Пригодятся. А вассалы… не больно-то и рвались после прошлого раза. Пусть их.

– Решил, значит, сам. Я бы отказался от дороги в один конец.

Оленина оказалась жестковатой, впрочем, проголодавшегося с утра Рамона такие мелочи не волновали. Тем более что вино было выше всяких похвал.

– Ну да, лучше сгнить в стенах замка. Фамильный склеп, безутешные родичи, которые не проронят и слезинки. Убитая горем мать, которая после смерти сыновей немедленно спровадит невесток

(http://lib.rus.ec/b/345932/read) в монастырь, как уже проделала это с женами братьев своего мужа. Пусть без меня развлекаются. Не над моим телом. – Рыцарь поморщился, потом через силу улыбнулся: – Ладно, все это неинтересно. Считай, что я просто поскупился. Лучше сам расскажи, ты ведь только что с запада. Как там?

– Давно уж тихо. В городе. За стенами, бывает, пошаливают, но тоже нечасто. Отец всех вот так, – Дагобер поднял сжатый кулак, – держит. Присмирели.

Рамону не слишком верилось в разом присмиревших язычников. Когда он уезжал из Агена, люди старались не появляться на улицах после наступления сумерек. Но не спорить же. Вот приплывет, все своими глазами и увидит.

– Как там герцог?

– Жив-здоров нашими молитвами. Тебе каждую седмицу здравицу заказывает.

– Серьезно?

– Нет, вру, – фыркнул Дагобер. – И не притворяйся, будто не понимаешь, чем он тебе обязан.

Рамон пожал плечами:

– Можно подумать, у меня был выбор.

Он умолк: вспоминать не хотелось. Впрочем, когда это память считалась с чьими-то желаниями?

* * *

Город стоял в устье реки. На северном берегу – крепость, на южном – высокая башня. Еще одна башня высилась на маленьком островке посреди медленно текущей к морю мутной воды.

Город осаждали уже два года. Оставить его позади и двигаться дальше было бы сущим самоубийством – ведь Аген закрывал единственный путь из моря в глубь континента. Реку перегораживали толстые цепи, натянутые между башнями. Как оставить за спиной хорошо вооруженную крепость, которая не пропустит ни одного корабля?

По дороге сюда Рамон думал, что война – это битвы, каждодневные подвиги и слава, как же без нее. Но оказалось, что война – это неистребимая скука.

Дел у оруженосца герцога было достаточно: оружие, доспех, конь. Но эти будничные заботы занимали лишь время, не мысли. Полгода, пока шли

непрерывные бои за западную башню, Авгульф не вмешивался в сражение, предпочитая, как и полагается полководцу, руководить издалека. Наконец башня пала, герцог собрался штурмовать остров с кораблей. Рамон обрадовался было, но и в этот раз сражение обошлось без него и господина. Ведь трудно назвать боем ожидание на корабельной палубе.

Он думал, что после падения башни войско двинется в глубь страны – не тут-то было. Герцог не хотел возвращать с таким трудом отвоеванный проход по реке язычникам. Мало-помалу его армия занимала северный берег, но снова и снова оруженосцу оставалось лишь наблюдать за боем издалека. Ничего не изменилось, и когда войска герцога переправились через реку, полностью отрезав Аген от остального мира.

Если бы не брат, Рамон бы свихнулся от скуки. Авдерик заглядывал по вечерам на часок, вытаскивал оруженосца (с разрешения господина, конечно) в свой шатер, рассказывал об очередном бое, который Рамон видел только издали, а то и вовсе не видел. Рыцари, правда, тоже не сами карабкались по штурмовым лестницам, на то есть пехота из простолюдинов. Всадники отбивали атаки войск, приходивших на помощь осажденным, охраняя лагерь. Но оруженосец герцога был лишен и этих сражений.

Странно, но именно здесь, в чужой стране братья стали ближе, чем за все предыдущие годы. Наверное, дело было в том, что они впервые оказались вместе. Авдерика, как это водилось во всех хороших семьях, в семь лет отдали на воспитание в более знатный род. С тех пор он возвращался ненадолго, и даже женитьба не смогла привязать юношу к родным стенам. Трудно испытывать какие-то чувства к девице, которую впервые увидел за две недели до свадьбы. Авдерик смеялся, говоря, что для забав есть доступные женщины, а супружеский долг следует исполнять редко, но метко. И в самом деле: как ни заедет домой, так через девять месяцев сын. Правда, как только речь заходила о детях, он мрачнел и враз менял тему. Рамон как-то спросил почему, на что брат резко ответил, мол, своих парней заведешь – поймешь, а не поймешь – тебе же лучше.

С Авдериком скучать не приходилось. С ним можно было посреди ночи отправиться ловить рыбу. Ничего, конечно, не поймать, но зато до одури накупаться в чуть парящей воде. Потом сидеть рядом у костра, напевая услышанную где-то песню, а то и вовсе отправиться к кострам наемников слушать их байки. С братом не приходилось постоянно следить за манерами и

речью, как того требовала матушка. С ним не нужно было изображать скромность и услужливость, как полагалось делать оруженосцу рядом с господином. Рядом с Авдериком можно было просто жить, не оглядываясь ни на что.

В тот вечер Рамон в очередной раз вернулся поздно. Полстакана вина не хватило для того, чтобы опьянеть, но в сон непривычного к выпивке парня клонило изрядно. Вопреки обычному, он завалился в постель одетым: возиться в темноте с завязками и шнурками было слишком муторно, а зажигать огонь и будить герцога Рамону не хотелось.

Казалось, он сомкнул веки лишь на миг, когда вокруг разверзся ад. Крики, звук рогов, лязг железа о железо, Рамон вскочил, спросонья налетел на господина, опомнился, схватился за доспех. Успел подать герцогу гамбезон

(http://lib.rus.ec/b/345932/read) и кольчугу, помог надеть шлем. На то, чтобы самому влезть в броню, времени не осталось. Оруженосец подхватил меч и вылетел из шатра вслед за господином.

В кромешной тьме были видны лишь мечущиеся силуэты: пешие, конные, где свои, где язычники – не разобрать. Герцог выкрикивал какие-то приказы, вокруг появились воины – большинство лиц казались смутно знакомыми. Потом на них откуда-то вылетели всадники.

Позже, как ни старался Рамон, он так и не мог вспомнить, что делал в ту ночь. Помнил только крики и обжигающее железо чужого клинка, помнил, как воинов вокруг становилось все меньше, как упал господин. Помнил сжимающий нутро страх и желание исчезнуть – куда угодно, только подальше отсюда. Но бежать казалось немыслимым: удрать, бросив господина? Рамон не знал, жив тот или нет, но невозможно, никак невозможно было оставить врагам даже мертвое тело. Бежать нельзя, спрятаться некуда, и оставался лишь щит да тяжелеющий с каждым ударом меч. Потом оруженосец понял, что вокруг уже никого из своих и, похоже, он станет первым мужчиной в их роду за последние пять поколений, который погиб, не дожив до двадцати одного.

А потом все кончилось. Налетевшая откуда-то с другого края лагеря волна конных воинов смела язычников, погнала их назад, оставив растерянного мальчишку среди тел.

Той ночью пять сотен язычников попытались прорваться в осажденный город. Они успели разнести частокол, пронеслись по спящему лагерю, убивая всех на пути. И сложили головы – все до единого.

Днем, когда Рамон, все еще оглушенный, сидел у постели бесчувственного господина, в шатер зашел Бертовин и попросил челядь отпустить оруженосца герцога. Рамон откинул полог, сморщился против солнца, оглядывая лагерь. Вокруг не осталось и следа ночного побоища – за полдня тела стаскали в ров, не забыв обобрать мертвых. Оружие и доспех стоят дорого, не зарывать же в землю.

– Что случилось? – спросил Рамон.

– Пойдем. – Бертовин вгляделся в лицо парня. – Как ты?

Рамон пожал плечами. Он не знал «как». Болел раненый бок: лекарь сказал, что в рубашке родился, еще бы чуть-чуть – и кишки наружу, а так – заживет. Саднил здоровенный синяк на плече, ныла сломанная рука, затянутая в лубок. Но хуже всего было затопившее душу вязкое безразличие. Как будто все чувства остались в прошлой ночи, наполненной смертью.

– Что случилось? – снова спросил он.

– Пойдем.

Он зашел вслед за Бертовином в шатер и замер, не понимая. Вгляделся в то, что лежало на ложе, перевел взор на воина.

– Подожди. Неправда. Ведь еще рано.

Бертовин молча покачал головой.

– Подожди… – повторил юноша. – Какое сегодня число?

В их роду не было принято отмечать дни рождения.

– Позавчера, – медленно проговорил Бертовин. – Позавчера ему исполнился двадцать один год.

* * *

Рамон мотнул головой, отгоняя воспоминания.

– А куда было деваться? Не бежать же. Вот оно все самой собой и вышло…

Дагобер опер подбородок о скрещенные пальцы:

– Хотел бы я, чтобы и у меня «сама собой» в пятнадцать лет появилась рыцарская цепь и спасенная прекрасная дева. Прямо хоть песнь слагай о деяниях храброго рыцаря.

– Хорош подначивать, – отмахнулся Рамон. – Какая еще прекрасная дева?

– А Лия – мальчик?

– Сдурел? Она ж дитя совсем!

Маркиз расхохотался:

– Очнись, это дитятко вошло в брачный возраст!

– Погоди. Ей сейчас должно быть… забыл. – Рамон покачал головой. – Впрочем, и никогда и не спрашивал. Любопытно будет посмотреть. Она обещала вырасти красавицей.

– Посмотри-посмотри. Глядишь, еще и потрогать соберешься.

– Отвяжись. Хватит с меня одной женитьбы.

– Так для этого дела жениться необязательно, – ухмыльнулся Дагобер. – Или еще и праведником решил заделаться?

– Да иди ты…

– Вот и замечательно. – Маркиз долил себе вина. – Значит, вечером составишь компанию: кроме девок в этой глуши развлечений никаких. Если хочешь, можешь кого-нибудь из своих парней взять: веселее будет. Или этого, родича своего блаженного.

– Эдгара? – Рамон на миг даже забыл о мясе. – Его каким ветром принесло?

– Так у меня ж скоро мачеха будет. Отец жениться задумал.

– А Эдгар здесь каким боком?

– Она дочь короля Белона. Церковный синклит потребовал: дадут разрешение на женитьбу, только если невеста примет истинную веру и душой и разумом. Совсем свихнулись: учить женщину богословию. В подробности я не вдавался, если интересно, спросишь у этого малахольного, он как раз учителем и едет.

Рамон кивнул. Признаться, до женитьбы сюзерена ему не было никакого дела. А вот повидать Эдгара… Но разговор следовало поддерживать до тех пор, пока Дагобер не отпустит. Впрочем, тот всегда отличался догадливостью.

– Вижу, ты с дороги и собеседник неважный. Вечером приходи.

– Непременно, – хмыкнул Рамон.

Палатка Эдгара стояла неподалеку, на выделенном для свиты маркиза месте. Рамон на правах давнего знакомого не стал окликать снаружи, а просто вошел. Шатер оказался пустым.

Рамон увидел расстеленный на земле рядом с небольшим сундуком плащ, хмыкнул – парень, похоже, так и продолжает жить в аскезе. Окинул взглядом складной стул и такой же походный стол с лежащим раскрытым молитвенником. Эдгар, как всегда, витает где-то в облаках. Книга даже в простой кожаной обложке стоит полдюжины овец, по лагерю болтается толпа народа, включающая приблудных бродяг и гулящих девок, – а ему и дела нет. Сперва стащат, потом поймут, что поблизости не продать том в серебряном окладе,

инкрустированном рубинами.

Молитвенник этот Рамон подарил Эдгару два года назад, когда тот приехал на каникулы. Матушка, помнится, когда узнала, устроила скандал: вещь, принадлежавшая отцу и старшему брату, по ее мнению, не должна была достаться «этому». Эдгара она откровенно недолюбливала. Впрочем, не у всякой женщины хватит сил постоянно терпеть в доме живое свидетельство неверности мужа, даже если в подобных вещах у нее нет права голоса. Надо отдать ей должное: грамоте Эдгара учили наравне с другими детьми, а когда наставник заметил, что парень способен к наукам, его тут же отправили в столичную школу. Там быстро приметили «остропонятливого» ученика, и дальше путь был предначертан: университет, сан – без него карьеру ученого не сделать, – степень. Или, как вышло у Эдгара, – ученая степень и лишь потом принятие сана. Рамон искренне не понимал, ради чего нужно отрекаться от жизни. Эдгар пытался объяснить, что только после пострига и начнется настоящая жизнь, полная любви и служения, но так и не преуспел, в конце концов обозвав Рамона «упертым язычником». Тот фыркнул, сообщил, что оголтелому фанатику все кругом кажутся язычниками. И что если бы Господь и в самом деле хотел, чтобы его дети отреклись от всех плотских радостей, то он создал бы их бесполыми и не имеющими рта… ну и прочих органов, которые очищают тело от того, что остается в нем после любого чревоугодия. И да, мозгов бы он их тоже лишил, ибо всякий грех прежде всего порождение сладострастного разума. Эдгар начал было возмущаться, но увидев, что «упертый язычник» откровенно хохочет, рассмеялся вместе с ним. Больше они о таких вещах не говорили.

Когда Рамон дарил молитвенник, он не стал рассказывать о том, что в последний раз держал его в руках в пятнадцать лет. В ночь перед посвящением.

* * *

Господин выздоравливал на удивление быстро. Лекари в один голос твердили, что, когда он начал садиться, любой другой еще лежал бы пластом. В день, когда он впервые смог сделать несколько шагов без посторонней помощи, герцог позвал оруженосца для разговора с глазу на глаз. И приказал готовиться к посвящению, чтобы его вассалы не остались без сюзерена – назначать юноше опекуна Авгульф не хотел, не ребенок уже.

Поначалу Рамон даже не понял, о чем речь. Все время после гибели брата он ходил словно оглушенный. Бертовин занимался похоронами, потом искал людей, способных заменить трех погибших пехотинцев из его копья, среди тех, кто остался без господина и не знал, куда теперь податься; потом натаскивал новичков. Герцог болел. И до оруженосца снова никому не было дела. Но если раньше Рамон не знал, куда себя деть, то теперь он часами просиживал в шатре, глядя в одну точку и изо всех сил пытаясь не вспоминать крики в кажущейся бесконечной ночи, темноту и запахи… разрубленное надвое тело пахнет точь-в-точь как свежеразделанная туша. И лицо брата – точнее, то, что от него осталось после лошадиных копыт.

Когда до него наконец дошло, что именно приказывает господин, Рамон просто опешил. Конечно, он знал, что когда-нибудь настанет великий день… но не так же скоро! Почему-то сейчас посвящение казалось совсем неуместным, и вместо радости пришло лишь недоумение.

– Шпоры и цепь

(http://lib.rus.ec/b/345932/read) с меня, – продолжал меж тем герцог. – Копье Авдерика цело?

– Да, господин.

– Меч, щит, доспех и конь у тебя есть, редкость по нынешним временам. Сегодня герольд объявит, через три дня проведем посвящение. Примешь под командование людей брата – все лучше, чем наемников искать. И поскольку ты сейчас старший мужчина в роду, соберешь своих вассалов и примешь у них присягу. Сколько их осталось?

Юноша пожал плечами – он не знал.

– Плохо, что не знаешь. Разберись.

– Да, господин.

– Ты не рад?

Рамон честно попытался найти в душе хоть малую толику радости. Не получилось.

– Не знаю. Кажется, я недостоин такой чести, господин.

– Мне решать, достоин ты или нет, – отрезал Авгульф. – Ступай.

В тот же день по приказу герцога Рамон перебрался в шатер брата – ведь своего у него пока не было, оруженосец делил шатер с господином. Бертовин, узнав о грядущем посвящении, обрадовался, начал было поздравлять, но, увидев безучастное лицо воспитанника, быстро смолк.

Три дня строгого поста прошли как в тумане. Вечером накануне посвящения оруженосца обрядили в белоснежное сюрко (и где только Бертовин его раздобыл) и отвели в церковь. Рамон подошел к алтарю, преклонил колени, держа в руках молитвенник. За спиной тяжело стукнула дверь, и юноша остался один.

Церковь возводили на скорую руку из дерева, росшего здесь в изобилии. Но спешка дала о себе знать: в стенах не стали прорезать окна, тем более ставить витражи, и, несмотря на то что на улице еще не стемнело, внутри стояла тьма, рассеиваемая лишь пламенем свечей у алтаря. В неровном свете еще не до конца расписанные фрески на стенах были почти не видны, и фигуры святых то появлялись из тьмы, то снова прятались во мраке, а выражения их лиц, казалось, меняются, словно у живых.

Согласно канону, оруженосец должен был провести ночь перед посвящением в неустанной молитве и размышлениях о чести и доблести. Рамон попытался было прочесть молитву, но память наотрез отказывалась повторить вроде бы накрепко затверженные, повторяемые каждый день строки. Юноша раскрыл молитвенник, перелистал страницы. Канон требовал покаяния, и Рамон послушно начал:

– Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня. Ибо беззакония мои я сознаю и грех мой всегда предо мною…

Голос гулко отдавался в пустой церкви, возвращался эхом от стен.

– Тебе, единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем. Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя. Вот, Ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость Твою. Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселие…

Сколько раз он повторял эту молитву, а сегодня впервые затверженные когда-то слова обрели смысл, и смысл этот никак не хотел ложиться на душу. И дело было не в радости и веселии, которые никак не хотели возвращаться. Просто… просто все было неправильно.

– Господи, – прошептал Рамон. – Господи, скажи: за что? Ты говорил: единожды согреши, и будет проклят род твой до девятого колена, и падут грехи отцов на детей безвинных. Но может ли быть так, что ведьма, порождение нечистого, исполнила волю твою?

Слезы застили глаза, и, казалось, святые сходили со стен, окружали, осуждающе качали суровыми ликами.

– А если то не воля твоя, Господи, то почему ты допускаешь это? Почему брат мой заплатил за грех предка, как и мой отец, и отец моего отца, и… и как в свой черед заплачу я. Если ты благ и человеколюбец – тогда зачем все это? А если жизнь земная ничто по сравнению с жизнью вечной – то зачем ты дал нам ее?

Серая пустота, которая заполняла мир с той памятной ночи, исчезла.

– Господи, прости меня, – сказал Рамон. – Я не могу молиться: слова без души пусты. Прости.

И медленным речитативом затянул совсем другое: песню, что они с Авдериком вскладчину купили в порту перед отплытием в эти земли. Ее пел оборванный менестрель, и, боясь забыть, они заплатили певцу за то, чтобы тот продиктовал им строку за строкой.

Первые строфы тоже ускользали из памяти, но сейчас это было неважно. Ничто не было важно.

– Так скачи же все дальше, все ближе к безбрежной тьме, так скачи вместе с ветром, не спрашивай ни о чем. Я немного могу тебе дать – как раньше, так и теперь, – но пускай бескрайнее небо станет твоим щитом. Или лучше ключом, – если сможешь увидеть свет, нисходящий поток средь низких бедовых туч. И при чем тут я, – я молюсь, говорю, поверь, – он не слепит, не жжет ладоней – тот самый луч, и не бойся, и кто там ждет на той стороне, лишь тебе известно, – но я за тебя молюсь.

Я боюсь, что тебе одиноко там, в темноте, но какая разница, впрочем, – чего боюсь?[2 - Автор стихов Ирина Скульд]

А потом кончились и слова и молитвы, осталась лишь тьма и суровые лики святых вокруг.

Наутро Рамон, словно в полусне, принял цепь и шпоры, выдержал ритуальную пощечину, снес копьем соломенное чучело и честно высидел пир в честь нового рыцаря. Когда наконец все начали расходиться, вернулся в шатер брата, упал ничком на ложе. Поднял голову, услышав шаги.

Бертовин опустился на одно колено, склонил голову:

– Господин.

– Я не смогу, – прошептал Рамон. – Я не знаю, что дальше. Зачем все это, если все равно…

– У меня нет ответа зачем. – Бертовин заглянул воспитаннику в глаза. – Каждый решает это сам. Но я знаю, что не все равно. Я был горд службой у такого человека, как твой брат. Теперь мой господин – ты, и от тебя зависит, смогу ли я гордиться службой тебе. Если, конечно, прежде не прогонишь прочь. Примешь ли ты мою службу – и мою помощь?

Рамон кивнул, судорожно вздохнул и наконец заплакал.

* * *

Здравствуй. Глупо писать, когда не прошло и часа с твоего отъезда. Еще глупее я себя чувствую, когда вспоминаю, сколько времени будет идти письмо – и дойдет ли вообще. Что ж, пусть это будет заменой дневнику, который я спалил после того, как матушка сунула нос. До сих пор помню это пакостное ощущение. Даже не столько от того, что твердо знаешь – рано или поздно тебя прицельно пнут по самому больному… всему, что ты написал, а она прочла. Даже не сознание неизбежности, а чувство, будто тебя раздели перед толпой. Не знаю, поймешь ли ты – кажется, ты никогда не вел дневник. Не было нужды или тоже боялся, что кто-то прочтет?

До чего же странно все выходит: если верить байкам про близнецов, мы с тобой должны бы быть самыми близкими людьми, а на самом деле я почти ничего про тебя не знаю. Наверное, я сам виноват, что так получилось. Все эти годы я отчаянно тебе завидовал. Твоему умению обращаться с оружием… я ведь так толком и не освоил это мастерство. Нет, доведись сейчас доказывать свое владение семью рыцарскими искусствами[3 - Верховая езда, копье, фехтование, плавание, охота, игра в шахматы, сочинение стихов], я бы справился – но настоящих высот мне не достичь никогда. Твоей способности решать не только за себя, но и за других – ты даже смог заставить мать уступить тебе право заниматься делами, как и положено настоящему главе семьи – хотя хоть убей, не могу понять, неужели все это – налоги, собранная пшеница и поголовье овец – и в самом деле может быть интересным. Твоей свободе. Да, я помню, что ты сказал ночью. Но знаешь, я бы отдал полжизни из того немногого, что мне осталось, даже за такую свободу. Я слишком устал быть смыслом чужого существования.

Знаешь, я почти ненавидел тебя. За то, что в твоих глазах я был никем. О да, ты умеешь ценить как искусство воина, так и глубину познаний ученого – не знаю, когда ты успел этому научиться. Но воин из меня никудышный, а эрудиция – отнюдь не замена острому уму. И я готов был ненавидеть тебя за то, что не обладаю тем, что ты привык ценить в других.

Ты уезжал с лицом человека, сбросившего с души тяжкую ношу. Как будто впереди – лишь победа и слава, а смерти просто нет.

Мне стыдно. Прости.

Рихмер.

Глава 3

Эдгар шел пустынными коридорами университета. Близился вечер, неугомонные студиозусы давно разошлись по домам. Эдгар любил это время: в древних стенах воцарялась тишина, какая и должна быть в истинной обители знаний, сквозь разноцветные витражи падали последние солнечные лучи, превращая каменные коридоры и высокие залы в сияющие чертоги. В такое время хорошо читать или молиться.

Вызов ректора сам по себе ничего не значил. Может, старому чревоугоднику просто хотелось посидеть за бутылочкой вина и ученой беседой. А может, решил обсудить новую главу диссертации, которую Эдгар оставил ему на днях. Ректор благоволил молодому ученому еще с тех пор, когда сам был всего лишь одним из преподавателей, заметивших смышленого мальчишку. Эдгар, в свою очередь, прекрасно понимал, что стремительной карьерой обязан не только собственному уму.

Ректор был не один. Вопреки обыкновению, он выглядел задумчивым и отнюдь не благодушным. Приняв поклон молодого человека, велел ему сесть и завел долгую тираду о крепости веры и послушании воле господа. Эдгар озадаченно внимал, почтительно кивая – раньше за стариком не водилось обыкновения читать душеспасительные проповеди торжественно-напыщенным тоном. Наверняка для гостя старается – только кто он? Простая сутана без каких-либо знаков сана, изучающий, цепкий взгляд – под этим взглядом юноше стало неуютно.

– Окстись, Сегимер, – прервал вдруг гость излияния ректора. – Погоди с проповедью до конца седмицы. Ты говорил, что юноша умен и благочестив, этого довольно.

– Он мой лучший ученик.

– Тем более. – Незнакомец обернулся к Эдгару. – Ты уже читаешь лекции студиозусам. Как думаешь, сможешь ли научить хотя бы основам богословия женщину?

Эдгар опешил.

– Но зачем? С них довольно и грамотности. Впрочем… моей приемной матушке, наверное, смог бы объяснить не только основы. А юной деве, у которой одни женихи на уме, – не уверен.

– Не знаю, что на уме у дочери короля Белона, – усмехнулся гость. – Но объяснять нужно будет именно ей. Возьмешься?

– Но они же язычники!

– И притом погрязшие в разврате. Но девушка – невеста герцога Авгульфа, который вот-вот провозгласит себя королем на завоеванных землях. Стремление, между нами, понятное, раз уж ему, как младшему сыну, не досталось короны здесь: он решил завоевать ее сам и, что похвально, не ценой крови собственной родни. Союз в высшей степени выгодный, но понтифик даст герцогу согласие на повторный брак, только если невеста примет нашу веру.

– Но почему я? Почему не кто-то из ученых мужей?

– Потому что король Белона – упрямый подозрительный болван! – отрезал гость. – Он отверг все кандидатуры, заявив, что церковных иерархов на его земле не будет ни при каких условиях, но при этом и потребовал «кого-нибудь, кто разбирается не только в катехизисе». А ты сам знаешь, что чем выше ученая степень, тем выше сан. Так что, – он развел руками, изобразив на лице доверчивую улыбку, – выбирать нам, по сути дела, не из кого. Ты единственный, кто сумел защититься, не достигнув возраста, когда разрешено принять сан. И, надо сказать, разрешение провести защиту твоей диссертации давал сам понтифик.

Эдгар перевел взгляд на ректора, тот кивнул.

– Сегимер, неужели ты ему не сказал? – развеселился гость. – Не похоже на тебя, совсем не похоже.

– Много ты понимаешь, – фыркнул ректор. – Не в моих правилах забивать головы ученикам всякими мелочами. Их дело – наука, мое – чтобы они могли заниматься изысканиями, не оглядываясь на внешние обстоятельства. Впрочем, мы отклонились от темы.

– Действительно. Ну так, Эдгар, ты согласен?

Юноша кивнул, прежде чем в полной мере осознал, на что соглашается. Впрочем, нет худа без добра: он иногда размышлял о людях, рискнувших нести свет истинной веры в чужие земли, размышлял с тем легким оттенком зависти, который всегда присущ сознанию того, что самому такие подвиги не под силу. Вот и посмотрим, под силу ли.

– Сколько лет девушке? – поинтересовался Эдгар.

– Пятнадцать. Разум юной девы – что чистый лист, и от тебя будет зависеть, чем он наполнится. Ступай, завтра вечером за тобой пришлют.

Эдгар молча поклонился и вышел.

Вернувшись в свою комнату, Эдгар взял со стола молитвенник и опустился на колени. Не то чтобы молодой человек преисполнился важностью доверенного ему – трудно пока думать о чем-то конкретном. Завтра будет еще целый день, он найдет время поговорить с наставником, а приехав на место, посмотрит на ученицу, скорее всего ей не под силу окажется ничего сложнее катехизиса. Но почему-то было неспокойно, а молитва всегда была для Эдгара лучшим способом вернуть душевное равновесие. Он знал, что Господь слышит его и порой отвечает. Нет, не словами, упаси боже от такого кощунства – но как иначе объяснить нисходящий в душу мир и покой?

Он раскрыл молитвенник. На самом деле, в книге он давно не нуждался, просто приятно было каждый раз держать в руках подарок человека, которого он никогда не осмелится назвать братом. Незаконнорожденный – никто, неважно, признан он или нет, он не имеет права наследовать титул и земли, даже если родители поженились после его рождения, что уж говорить о прижитом от

крестьянки? И Эдгар был благодарен даже за ту холодную заботу, что видел от приемной матери. А искренняя симпатия Рамона казалась невероятной, незаслуженной, что уж говорить о драгоценных подарках?

Как всегда после молитвы, стало легко и покойно. Не о чем волноваться – все случится по воле божией.

На следующий день он поговорил с наставником, получил кучу нужных и ненужных напутствий и с легким сердцем отправился в путь.

* * *

Откинув полог, Эдгар на миг застыл, увидев чужого, но тут же расслабился, едва человек обернулся. Улыбнулся, протянул руку:

– Здравствуй.

– Здравствуй. – Рамон пожал протянутую ладонь, бережно опустил на стол молитвенник.

– Давно ждешь? Ты с дороги? Голоден?

– Не мельтеши, – хмыкнул Рамон. – Как маменька, честное слово.

Эдгар смущенно улыбнулся:

– Извини.

Подвинул гостю стул, сам устроился на сундуке.

– Рассказывай.

Они сказали это одновременно и так же одновременно рассмеялись. Возникшая было неловкость исчезла.

– Так все же ты голоден?

– Нет, – отмахнулся Рамон, – только что от маркиза, напоил-накормил, все честь по чести. Лучше расскажи, каким ветром тебя занесло в учителя?

Молодой ученый честно пересказал разговор с ректором и странным гостем.

– Вот, значит, как, – протянул Рамон. Замолчал, поглаживая пальцем рубин на серебряной пряжке, скалывавшей ворот сюрко. – Не нравится мне все это.

– Почему?

– Хотя бы потому, что учить девушку послали молодого мужчину, а не, к примеру, мать-настоятельницу столичного монастыря, славящуюся познаниями в слове божием. И не какую-нибудь из родственниц Авгульфа, добродетельную даму, вызубрившую катехизис – а больше, как считают церковные иерархи, женщине и ни к чему.

– О чем ты? – изумился Эдгар.

– Высунь наконец нос из своего замка слоновой кости и оглядись. Я не силен в интригах, но первое, что напрашивается, – подкупить кого-то из служанок девушки, чтобы сперва сыграла сводню, а потом застала вас в двусмысленной ситуации… погоди, не маши руками. После этого тебе очень повезет, если сумеешь исчезнуть из страны, потому что папаше девушки этот союз нужен, а сможет ли Авгульф проигнорировать то, что у невесты подмочена репутация, – неизвестно. Добавь к этому то, что не так давно понтифик разразился речью о том, как печально неусердие в вере сильных мира сего, которые, вместо того чтобы нести свет веры в новые земли, довольствуются их завоеванием, не обращая внимания на души новых подданных.

Герцог Авгульф действительно не слишком-то допускал церковь на свои земли, полагая, что нет никакой разницы, кому молится чернь, лишь бы подчинялась. Рамон был с ним согласен: всему свое время, достаточно пока, что герцог объявил вне закона ведьм. Но церковным иерархам нужна была война за веру.

Эдгар казался уязвленным:

– Хочешь сказать, я не способен устоять перед искушением? Не суди по себе.

– Я хочу сказать, – подался вперед Рамон, – что сильные мира сего играют людьми без зазрения совести. Вокруг этих земель сошлось слишком много интересов – и вдруг учить будущую жену герцога отправляют человека, кроме своих книжек не желающего знать ничего. Осторожней, братишка. Мне бы не хотелось, чтобы ты вляпался во что-то серьезное.

Это мимолетно брошенное «братишка» было настолько неожиданным, что Эдгар замер, разом позабыв почти готовую обвинительную речь – мол, нечего судить весь мир по себе, и если некоторым, не будем говорить кому, свои страсти дороже всего остального, то это не значит, что все таковы. Потом он захотел было переспросить – и испугался, что ослышался. И поэтому он просто кивнул. Потом спросил:

– Расскажешь, что это за страна? Что за обычаи у людей, которые там живут?

– О, тебе понравится, – усмехнулся Рамон. – Прежде всего, обычай тамошнего гостеприимства обязывает хозяина дома предложить гостю не только кров, пищу, но и женщину. И… – Он посмотрел на вытянувшееся лицо Эдгара и расхохотался: – Извини. Я пошутил. Кстати, когда ты в последний раз был с женщиной?

– Неважно.

– Понятно. Тогда вечером пойдешь со мной, Дагобер обещал гулянку.

Эдгар залился краской.

– Ты же знаешь, что я готовлюсь к постригу. Зачем?

Рыцарь пожал плечами:

– Всегда было интересно, насколько прочна твоя добродетель. Ладно, охота хоронить себя заживо – воля твоя. А краснеть отвыкай, в Белоне еще и не такого насмотришься.

– Мне сказали, что они погрязли в разврате.

– Я бы не был так категоричен, – ответил Рамон. – Хотя… их обычай выдавать девушку замуж только после того, как она подтвердит свою способность к деторождению, непривычным людям кажется странным.

– Снова шутишь?

– На этот раз – нет. Отцом ребенка считается тот, кто потом возьмет женщину в жены. Замужние женщины исключительно добропорядочны, и супружеские измены там осуждаются. Но девушки пользуются полной свободой действий. – Молодой человек ухмыльнулся. – И они ей пользуются изо всех сил. Хотя, думаю, король Белона за своей дочуркой все-таки приглядывает – если мы знаем их обычаи, значит, они знают и наши. Уж про то, что наутро из окна вывесят брачную простыню, должен знать.

Эдгар долго молчал. Наконец подался вперед, опершись локтями в колени.

– Не понимаю. Зачем герцогу связываться с варварами, не имеющими представления о морали?

– Спорить о морали я сейчас не настроен. – Рамон вздохнул. – Просто прими к сведению, что они не варвары. В самом Белоне я, правда, не был, но учитывая, что с Каданом это один народ, обычаи должны быть сходны. Давать уроки истории… Ладно, слушай…

Королевство Белон существовало не более полутора веков. Однажды окраинный князек захотел надеть корону и, ничтоже сумняшеся, объявил свое княжество независимым королевством. Действительно, к чему подставлять под удар собственную голову, пытаясь стащить венец с чужой? Затея удалась: в это время Кадан, от которого отделилось новое королевство, завяз в войнах с соседями, и его правителю было не до строптивых подданных.

Через четверть века, замирившись с соседями, король Кадана вспомнил про свои законные земли. Не тут-то было: за прошедшее время Белон успел обзавестись приличной армией, да и дворянство почему-то не хотело обратно под руку бывшего своего короля.

С тех пор так и повелось: каждый новый монарх, надев корону, вспоминал о том, что рядом его вроде как законные подданные, каждый раз подданные, искренне

считающие себя отдельной страной, давали отпор, и все возвращалось на круги своя. Соседи на строптивый клочок земли, с трех сторон окруженный горной грядой, не покушались: больше хлопот, чем пользы. А вот стравливать два королевства не гнушались.

Так тянулось до той поры, пока очередной король Кадана не решил взяться за упрямцев всерьез. Подтянул к границам армию, начал было побеждать. И как раз в это время на другом конце страны высадился приплывший из-за моря герцог…

Эдгар поморщился:

– Политика. И угораздило же ввязаться.

– Политика, – кивнул Рамон. – Поэтому я и говорю: будь осторожен.

* * *

Когда Рамон с Хлодием появились в шатре Дагобера, попойка уже была в той стадии, когда компания разваливается на группки по два-три человека и каждый говорит, не слушая собеседника. Мимо входящих на улицу прошмыгнула парочка, хихикающая девица висла на руке мужчины. Еще двое, судя по всему, решили уединиться за занавесью, отделявшей общую часть шатра от той, где ночевали слуги. В господской половине пока было тихо, но, похоже, только пока.

– О, ты припозднился, – сказал Дагобер. Махнул рукой слуге. Жест вышел чересчур широким: туловище качнулось вслед за рукой. Девушка, сидевшая на коленях маркиза, взвизгнула, тот прижал ее к себе, снова повернулся к вошедшим. – Давай штрафную.

Рамон ухмыльнулся:

– Валяй.

Огляделся по сторонам, приметил двух девиц, оставшихся без кавалеров, подтолкнул к ним Хлодия.

– Барышни, приглядите за моим оруженосцем.

Те захихикали, захлопотали вокруг стремительно покрасневшего парня.

– А где этот… блаженный? – поинтересовался маркиз, дождавшись, пока гость опорожнит «штрафной» кубок.

– Отказался. Вот, взял вместо него. Пора парню взрослеть.

Дагобер хмыкнул, покачал головой. Обычно тщательно завитые черные кудри рассыпались по плечам неаккуратными прядями.

– Помнится, меня ты за это дело вытянул плетью.

– Неправда. – Рамон опустился на поданный слугой стул. Одна из увивавшихся вокруг Хлодия девушек тут же села у ног, опустила голову на колени мужчины, заглядывая в лицо. Тот на миг задержал на ней взгляд, кивнул. Слуга снова наполнил кубок.

– А это что? – Маркиз поддернул рукав рубахи, показывая несколько тонких шрамов, идущих поперек предплечья.

– Неправда, – повторил Рамон. – Я тебя огрел не за то, что ты пошел по бабам, а за то, что приволок женщину в шатер господина без его – моего то есть – разрешения.

– Я ж предлагал поделиться.

– Поделиться… Приползаю с совета, наутро очередной штурм назначен, вымотался как собака, жрать хочу, а тут оруженосец развлекается.

– Ладно, – махнул рукой Дагобер. – Что было, то быльем поросло. Но скажи: неужели и впрямь отца не побоялся?

– Да я про него и не вспомнил, – хмыкнул Рамон, машинально перебирая волосы сидящей у ног девушки. – А если бы и вспомнил, батюшка твой велел держать сынка в строгости, а то прежний господин разбаловал.

Из-за занавеси вывалился полуодетый мужчина. Выпорхнувшая следом девушка подхватила под локоть изрядно шатающегося кавалера.

– Мы вас покидаем, господа.

Следом потянулись к выходу еще двое.

– Ну вот, пришли к шапочному разбору, – констатировал Рамон.

– Ничего, сейчас наверстаешь. Выпивки хватит, я еще тоже на ногах держусь. – Маркиз от души облапал так и не слезшую с колен девицу, та захихикала. – А уединиться с этой красоткой всегда успею.

– Кстати, об уединении. У тебя место для Хлодия найдется? А то притащу к себе, не ровен час, нарвемся на его папашу, и останется мальчик без развлечений. Еще и мне мораль прочитает: мол, господин обязан заботиться о душе и теле оруженосца.

– Вот ты и заботишься о теле, – расхохотался Дагобер. Перевел взгляд на сидящего тише мыши парня. – Он что, в самом деле в первый раз?

Рамон пожал плечами.

– Похоже на то. Я ему дома свечку не держал.

– Ага. – Маркиз снял с коленей девушку, не забыв сжать ладонью грудь. Не слишком ровным шагом подошел к столу с выпивкой. Слуга было подался вперед, но господин отодвинул его небрежным жестом. Сам налил вина.

Оруженосец посмотрел на протянутый кубок.

– Я уже много выпил…

– Пей и не спорь.

Парень покорно принял вино.

– А теперь, – сказал маркиз, забирая у Хлодия пустой сосуд. – Вот эта… Сударыня, проводите юношу – вон туда. И позаботьтесь, чтобы он не остался разочарованным.

– Да, господин.

Рамон бросил девице монету. Пара исчезла за пологом.

– Становится скучно. – Дагобер вернулся на стул, девушка тут же взобралась на колени. – Давай разберемся с этими красотками и съездим в деревню тут, неподалеку. Поймаем крестьянку… а может, не одну.

– Здесь не твои земли.

– Нет, но хозяин где-то здесь. – Маркиз огляделся. – Был. Найдем, на коня посадим, авось не свалится. Поехали?

Рамон поморщился, в который раз протянул слуге опустевший кубок. Потрепал по щеке ластившуюся у ног девицу.

– Остынь, спят все уже.

– Веселее будет.

– Наши все спят.

– Слышу, как они спят, – хохотнул маркиз, мотнув головой в сторону тканой стены, из-за которой доносились женские стоны.

– Не хочу. Мне и тут неплохо. Да и крестьянки надоели – не поверишь как. – Рамон провел ребром ладони по шее. – Раз за разом находится девка, уверенная, что зачнет и родит мальчика, которого господа заберут воспитывать в замок. Ну и ее заодно.

– И как? Много парней за два года заделал?

– У меня нет детей. По крайней мере тех, о которых я знаю. Оно и к лучшему. Растить сына, зная, сколько ему отведено… А бастард – не наследник.

– Почему вы вообще так носитесь с ублюдками? – поинтересовался Дагобер. – Воспитатель твой; святоша этот, Эдгар.

Рамон отставил вино, поднялся. Протянул руку девушке, помогая встать.

– Потому что на них проклятие не падает. А роду нужны мужчины, хотя бы такие.

– Не боитесь, что один из них вдруг решит присвоить титул?

Рыцарь невесело усмехнулся.

– Мой прадед незадолго до смерти усыновил своего бастарда по всем правилам. Через двадцать лет молодой человек попал под грозу. Хоронили уголья. Прости, я, наверное, пойду. Развеюсь. Когда вернуться, забрать Хлодия?

– Под утро приходи. – Маркиз тряхнул тихонько посапывавшую девицу, та подняла голову, захлопала глазами. – Пойдем-ка, милашка, он прав, хватит тратить время на болтовню.

Рамон со спутницей осторожно обошли устроившуюся прямо у шатра пару.

– Куда мы? – осторожно поинтересовалась девушка.

– Ко мне. Чтоб никто не мешался.

У шатра его окликнул Бертовин:

– Моего парня не видел?

– Он у маркиза в шатре. С женщиной.

– Я не разрешал ему…

– Я разрешил, – отрезал Рамон. – Вернее, приказал. Умирать он взрослый, а гулять – нет?

– Взрослый… два остолопа, на полчаса без присмотра нельзя оставить.

– Придержи язык. Я пьян и буен.

Бертовин хмыкнул и растворился в темноте.

Рамон откинул полог. Дурашливо-галантный поклон не вышел: земля покачнулась, и пришлось вцепиться в растяжку, удерживающую шатер. Выпрямившись, зашел вслед за девушкой, указал на ложе:

– Раздевайся.

Она кивнула, начала торопливо стаскивать одежду. Мужчина попытался было снять котту, запутался, опустился на пол с глупым смехом. Девушка бросилась помогать – оказалось, что не расстегнута заколка, удерживающая одежду у горла. Выпутавшись из котты, Рамон махнул рукой на остальное, кое-как взгромоздился на ложе. Женщина в одной рубашке упала рядом, притянутая жестким рывком. Тратить время на то, чтобы раздеть ее окончательно, Рамон не стал.

Под утро Рамон оставил рядом со спящей женщиной серебрушку. У выхода из шатра по-прежнему дежурил Бертовин. От кого караулил – непонятно, большая часть обитателей лагеря была пьяна в стельку.

– Пошли кого-нибудь приглядеть, как проснется, пусть выпроводят, – приказал рыцарь. – Я за Хлодием.

Выпитое мало-помалу выветривалось из головы, оставляя то мутное, дурнотное состояние, что предшествует похмелью.

У шатра маркиза на мужчину налетела давешняя девица, оставшаяся ублажать Дагобера. Рамон проводил ее взглядом, машинально заметив, что девчонка всхлипывает едва ли не в голос.

– Чего это от тебя зареванные девки поутру убегают?

Дагобер приподнялся на локте, не удосужившись прикрыться.

– Я ей королевский указ прочитал. Его величество озаботился душами воинов. И повелел всякому, встретившему в расположении армии его подданных гулящую девку сломать ей руку, отобрать деньги и выпроводить восвояси.

– Постой…

– Просто не заплатил, – хмыкнул маркиз. – Пусть радуется, что легко отделалась.

Рамон помотал головой: соображалось туго.

– Ночью, что ли, указ пришел?

– Нет, конечно. Дня два назад.

– То есть ты с вечера знал, что не заплатишь?

– Конечно. Хотел днем рассказать, чтобы ты тоже не тратился, да из головы вылетело.

Рамон высунулся из шатра – девицы уже не было видно. Молча прошел за полог, тряхнул за плечо Хлодия. Девушка открыла глаза.

– Убирайся, – бросил рыцарь.

Она кивнула, мигом оделась и исчезла.

Оруженосцу пришлось помочь подняться.

– Эй, ты чего? – изумился Дагобер.

– А сам не понимаешь?

– Иди, проспись. Это всего лишь шлюха.

Рамон долго пристально смотрел на приятеля. Тот заерзал под взглядом, начал натягивать покрывало.

– Да, – медленно отчеканил Рамон. – Она – всего лишь шлюха. А кто – ты?

Дернул ничего не понимающего Хлодия за рукав и, едва не оборвав полог, вышел.

Глава 4

– Вставай, господин!

Рамон кое-как оторвал голову от ложа. Выругался: просил ведь, чтобы не будили, хотел переспать похмелье. В дурнотном мареве, застившем глаза, вырисовалось лицо Хлодия. Парень тоже выглядел не ахти: отец держал его в строгости, и ощущения после бурной ночки оруженосцу явно были внове.

– Пожар? Потоп? – поинтересовался рыцарь.

– Нет, господин.

– Тогда какого рожна?

– Отец велел разбудить.

– Правильно, я велел, – послышался голос Бертовина откуда-то из-за поля зрения. – Вставай, граф, тебя ждут великие дела.

Рамон рухнул на подушку, длинно и путано объясняя, что и как именно его воин может сделать с величием, да и делами заодно. Сколько лет, в конце концов, можно воспитывать давно взрослого человека? Закончить тираду не дали. Сверху рухнул столб ледяной колодезной воды, на миг показалось, что она

повсюду, свернулась вокруг холодным коконом, запретив дышать. Рамон вскочил и, едва протащив в легкие воздух, разразился ругательствами. Новая порция воды в лицо заставила заткнуться. Молодой человек стер ладонью капли. Медленно опустился на постель, превратившуюся в чавкающую лужу.

– Одежду подать? – поинтересовался Бертовин, глядя сверху вниз на молчащего воспитанника.

– Ну скажи, какого рожна, а? Нормально не мог разбудить? – Рамон начал стаскивать липнущие к телу тряпки.

– Нормально Хлодий полчаса будил. А потом мне надоело на это смотреть.

– Чтоб тебя… – Рыцарь отбросил в сторону рубаху. Потом, помедлив, приподнял двумя пальцами снятое перед этим сюрко. – Это что, я в одежде спать завалился? Вроде и не пьян уже был. Вот то, что злой, как бес, – это да…

– Держи. – Бертовин бросил воспитаннику сухую одежду. – А что случилось? Что вы вообще такого натворили, что сегодня днем ни одной гулящей девки в округе не осталось?

Рамон вздохнул и, не поднимая глаз, пересказал предутренний разговор. Почему-то было невероятно стыдно, как будто и сам оказался запятнанным.

– Вот как… – протянул воин. – Теперь понятно.

– Не надо об этом.

Бертовин кивнул, посмотрел на Хлодия. Тот отдал отцу пару тренировочных незаточенных мечей, подхватил мокрую одежду господина.

– Мы за воротами будем, – бросил воин сыну. – Найдешь.

– Вот скажи: неужели один день пропустить нельзя было? Или подождать, пока я просплюсь? – проворчал Рамон, следуя за воспитателем через лагерь.

– Так и без того солнце за полдень перевалило, – хмыкнул Бертовин. – Раз пропустишь, потом второй, а потом и вовсе забудешь, как меч в руках держать.

– С тобой, пожалуй, забудешь.

Вблизи лагеря ноги и конские копыта превратили землю в чавкающую грязь. Пришлось отойти на перестрел, прежде чем поле снова стало полем.

Все еще ворча, Рамон принял меч у спутника. Конечно, похмелье – не повод пропускать воинское правило, но когда голова кажется чугунной чушкой и мутит при каждом движении, даже самое любимое занятие превращается в постылую обязанность. Именно поэтому он обрадовался, когда увидел, что вместе с Хлодием пришел и Эдгар.

– Встанешь? – спросил Рамон, протягивая брату меч.

– Э, нет, – вмешался Бертовин. – Не отлынивай. Эдгар, вставай вместо меня.

Тот кивнул, взял оружие.

Большинство знакомых считало любовь молодого ученого к оружию блажью, граничащей с ересью. Тому, кто готовится посвятить себя служению Господу, не пристало изучение способов убийства. Тем паче не пристало получать удовольствие от подобного рода занятий. Узнай они, что для самого Эдгара воинские упражнения зачастую служат своего рода духовным сосредоточением, способом подхлестнуть уставший от размышлений разум, – и обвинение в ереси стало бы неминуемым. Для души существует молитва, а забота о теле лишком легко доводит до греха. Поэтому молодой человек предпочитал помалкивать, уходя от ответа даже на прямые вопросы: зачем богослов тратит время и деньги, регулярно посещая учителя-мечника. Бесполезно объяснять, что когда тело раз за разом повторяет заученные движения, разум свободен, а строки очередного труда рождаются будто сами собой.

Бертовин опустился в траву, наблюдая за братьями. Оба высокие, сероглазые – в отцовскую породу, – они были одинакового роста, но ладно скроенный Рамон казался ниже сухощавого Эдгара. Ученый, получив степень, стал стричь русые волосы в кружок, рыцарь стягивал льняные пряди в хвост, спускающийся до лопаток. И двигались они почти одинаково, с легкой грацией человека,

привычного к воинскому искусству.

Когда-то, в те дни, когда воспитанники были детьми, Бертовин любил наблюдать за поединками этих двоих, каждый раз не зная, каким будет исход. Теперь все известно заранее. И все-таки как жаль, что парень решил служить церкви. Да, наверное, далеко пойдет, но семье так нужны мужчины. Нынешняя графиня неплохо управляется с делами, но, прекрасно ориентируясь в налогах, доходах и прочих цифрах, она ничего не смыслит в содержании гарнизона, а комендант замка уже стар. Хватка у него до сих пор отменная, но заменить пока некем. Бертовин присмотрел смышленого парнишку, глядишь, успеет натаскать. Да разве только в коменданте дело! Взять тот же Совет – они готовы стерпеть, если семью будет представлять бастард, но не перенесут в своем кругу женщину. Вот где бы Эдгар пригодился – не сейчас, конечно, когда заматереет. А от его духовной карьеры роду никакого прока.

Тем временем поединок закончился. Как и следовало ожидать, победил Рамон и теперь объяснял брату, как именно его «сразил». Еще какое-то время ушло на то, чтобы довести движения до того бездумного состояния, когда тело начинает действовать само, без участия разума. Наконец рыцарь опустил меч.

– Все. С меня на сегодня хватит, да и с тебя тоже. Если хочешь, завтра повторим.

Он подошел к поднявшемуся навстречу Бертовину:

– Пойдем?

– Идите, я еще Хлодия погоняю.

– Тогда и мы подождем.

Рамон разлегся в траве. Эдгар с четверть часа наблюдал, как Бертовин занимается с Хлодием, потом растянулся рядом.

– Слушай, все не получается спросить – что за история была со спасенной девой?

– Дагобер наболтал?

– Он.

– Вот у него и спроси.

– «Спроси», – хмыкнул Эдгар. – Он со всеми сквозь зубы общается или только я удостоился такой чести?

– Не обращай внимания, фамильная спесь. Племянник короля, а тут приходится общаться с…

– С ублюдком, – закончил молодой человек за собеседника.

Тот вынул изо рта стебелек.

– Плюнь и разотри.

– Тебе легко говорить.

Рамон приподнялся на локте, взглянул в глаза брату. Медленно произнес:

– Да. Мне легко говорить. Хочешь поменяться?

– Прости.

Тот кивнул, снова опустился в траву. Сощурился, когда выглянувшее из-за облака солнце резануло лучом по глазам.

– А история вышла совершенно дурацкая. Никого я не спасал. Глупышка наслушалась легенд о великих подвигах и девах, наравне с мужчинами сражавшихся за родину. И когда мы вошли в город и начался бардак, натянула порты…

– Порты?

– Одежда, увидишь, объяснять неохота. Словом, пока старшие братья готовились оборонять дом, эта деваха вылезла в окно из комнаты, куда ее,

младшенькую, заперли, и отправилась воевать.

– Девчонка? – не поверил Эдгар.

– Говорю ж тебе, там другие женщины. И в их балладах и в самом деле нередки истории о том, как девушка надевает мужскую одежду и идет мстить за родителей или возлюбленного.

– Много навоевала?

Рамон рассмеялся:

– Коня напугала, зараза, своей рогаткой. Я сперва думал – мальчишка, велел было заголить зад, да выпороть как следует. Потом чувствовал себя полным дураком.

* * *

Когда безразличие, навалившееся после смерти брата и посвящения, миновало, Рамон обнаружил, что зол на весь мир. На господина… герцога, навязавшего оруженосцем балованного сынка. На самого оруженосца, который только о бабах и думает. На Бертовина, который то некстати лезет с советами, то не дозовешься, да еще каждый день заставляет заниматься с мечом, точно воспитанник по-прежнему мальчишка. На проклятых язычников, не сдающих город, несмотря на голод и болезни. Иной раз в помощь горожанам пускали по течению бревна с привязанной едой в кожаных мешках, но до цели она добиралась редко, чаще посылки вылавливали осаждавшие. Чуть ли не каждый день в сети, расставленные поперек течения, попадались лазутчики, пытавшиеся или пробраться в город, или, наоборот, выбраться. Все как один говорили о том, что гарнизон ослаб от голода и болезней. Но не сдавался.

Пехота, простолюдины, уже начинала роптать – мол, они гибнут в бесплодных штурмах, пока благородные отсиживаются в лагере. А кто, скажите на милость, раз за разом перехватывает и разбивает войска, которые язычники отправляют на подмогу осажденному городу? Впрочем, разве кто-то когда-то дождался от черни благодарности?

Очередной штурм Рамон тоже принял с раздражением: все как всегда, вперед пехота, а рыцарям остается лишь скучать в очередном бесплодном ожидании. Но, вопреки обычному, гарнизон почти не сопротивлялся. И распахнувшиеся наконец ворота, казалось, стали совершенной неожиданностью для самих осаждавших.

Рамон ожидал боя на городских улицах, града камней из-за углов и потоков кипятка с крыш – словом, всего того, о чем пишут в летописях, повествующих о взятии городов. Все оказалось куда будничней – и страшнее. После того как вырезали последних защитников стен, а те, кто не погиб, отступили в глубину узких улиц, стало понятно, что сопротивляться больше некому. Рыцарь со своим копьем проезжал мимо лежавших тут и там изможденных тел, на которых не было ни единой раны: похоже, что хоронить умерших от голода уже давно некому. Где-то впереди изредка слышались звуки битвы, и оруженосец несколько раз попытался было сказать господину – мол, а мы что же, там воюют, но после того, как Рамон на него рыкнул, – умолк. Потом на них из-за угла вылетела недобитая дюжина солдат, одна из оборонявших город. Но лучники копья не зря ели господский хлеб, и треть нападавших легла, даже не успев подойти на расстояние рукопашной, а остальных зарубили быстро и без потерь. Дагобер, добравшийся до вожделенной битвы и даже сумевший взять жизнь врага, держался распустившим перья кочетом. Рамон мрачно радовался, что глухой шлем не позволяет людям видеть лицо их господина – потому что самому было пакостно до невозможности.

Вот этот сдавшийся наконец город с полумертвыми жителями – так на самом деле выглядят те подвиги и слава, о которых складывают легенды и поют песни? Доносящиеся из-за домов крики, запах гари и трупы, трупы, трупы – свежие и старые вперемешку. После той ночи, что порой возвращалась в кошмарах, Рамону приходилось сражаться – но в тех битвах все было понятно: враги нападают, нужно защищаться. А сейчас не покидало ощущение совершенной, невыносимой бессмысленности происходящего. Полтора года осады, погибший Авдерик – ради кривых улочек с обшарпанными стенами? Что он вообще здесь делает?

Прилетевший невесть откуда камень заставил шлем зазвенеть. Следующий угодил в голову коню, тот взвился. Чудом не свалившись на булыжник, Рамон обуздал скакуна, огляделся. Командовать нужды не было – вездесущий Бертовин углядел, откуда летят камни, и воины копья уже выбивали дверь дома. Внутри оказалось пусто, хозяева то ли попрятались в погреб, то ли еще куда

делись. Через несколько минут воины приволокли с чердака упирающегося ребенка. Рамон не слишком-то хорошо разбирался в детях, чтобы навскидку определить, сколько лет найденышу. Меньше десяти, наверное. Длинный, не по росту, кафтанчик, слишком широкие, спадающие штаны – забавно одеваются эти язычники, – кургузая шапчонка, все норовящая сползти набок, перемазанное паутиной и пылью личико с запавшими щеками и глаза перепуганного волчонка.

Бертовин протянул нож, слишком тяжелый для детской руки:

– Еще и пырнуть пытался, гаденыш.

Рамон покрутил в руках трофей, разглядывая тонкую резьбу на рукояти слоновой кости. Клинок покрывала причудливая вязь, которая появляется, когда сталь многажды перековывают в несколько слоев. Дорогая вещь, очень дорогая. Украл? Юноша пригляделся к найденышу: кафтанчик из тонкой, хорошо выделанной шерсти, а исподняя рубашка и вовсе шелковая.

– Кто ты такой?

Ребенок не ответил, замотал головой.

– Он же не понимает, – влез Дагобер.

Рамон выругался. Ну и что прикажете с этим делать?

– Вояка хренов… – Он сунул нож в седельную сумку. Кто разоружил, того и трофей, но не сейчас же это выяснять? Вечером можно разобраться и выкупить у воина оружие.

– Надерите задницу, чтоб запомнил, и пусть катится. Еще не хватало с детьми воевать.

Один из солдат подхватил мальца, потащил к растущему поблизости кусту орешника. Попытался сдернуть штаны – но пленник, до сей поры стоявший смирно и лишь зыркавший исподлобья зелеными глазищами, вцепился в пояс, завизжал, задергался. Слетела шапчонка, упал на булыжники мостовой резной гребень, коса рассыпалась пушистыми каштановыми прядями.

– Девка? – вслух изумился кто-то.

Державший солдат, недолго думая, ухватил за низ живота:

– Точно, девка!

Встряхнул еще пуще заверещавшую девчонку:

– Да что ты орешь!

– Решила, поди, что мы ее снасильничать хотим, – сказал Бертовин.

Рамон охнул, слетел с коня, бросив щит оруженосцу, выхватил девчонку из рук своего человека. Господи, а что еще она могла подумать, когда вражеский солдат начал раздевать? Девочка все кричала, билась пойманной рыбкой, пыталась даже кусаться – но поди вцепись зубами в кольчужный рукав. Рыцарь вдруг отчетливо понял, как они выглядят в ее глазах – десяток здоровенных, закованных в железо мужчин и он, главный. Злодей без лица.

Он стряхнул с левой руки кожаную рукавицу, рванул ремешки шлема. Рявкнул на Дагобера:

– Что стоишь, помогай!

Оруженосец принял шлем, Рамон прижал к себе бьющуюся девчонку, провел ладонью по волосам.

– Успокойся. Пожалуйста, успокойся, никто тебя не тронет.

Она же не понимает, пронеслось в голове. Ничегошеньки не понимает, хоть соловьем залейся.

Он опустился на мостовую, прижимая к себе рыдающую девочку, баюкая, гладил растрепавшиеся волосы, повторяя на все лады:

– Никто тебя не обидит. Не плачь.

У девчонки, похоже, уже кончились силы рваться и визжать, и она лишь тихонько поскуливала, уткнувшись лицом в котту, что рыцарь носил поверх кольчуги, да тряслась всем телом. Рамон обвел беспомощным взглядом своих людей, ощущая себя последним подонком.

– Бертовин, у тебя есть дети. Что делать?

– Ты все делаешь правильно. Теперь только подождать, – ответил тот. Обернулся к солдатам, нахмурился: – По сторонам я один глядеть буду?

Те мигом вспомнили, что вокруг чужой, не покоренный до конца город.

Рамон не знал, сколько прошло времени, пока девочка наконец перестала плакать, отстранилась, настороженно заглядывая ему в лицо. В который раз повторил, мол, все хорошо, не плачь. Осторожно улыбнулся, глядя в глаза.

Девочка долго-долго не отводила взгляда. В последний раз протяжно всхлипнула, провела ладошкой по лицу, размазывая слезы вперемешку с грязью. Юноша вздохнул, вытер заплаканное личико подолом котты. Встретил неуверенную улыбку и широко улыбнулся в ответ.

– Все будет хорошо. Где ты живешь?

Она замотала головой, что-то лепеча. Рамон тихонько ругнулся. Ткнул пальцем в сторону раскрытой двери, из которой выволокли незадачливую воительницу.

– Дом.

Коснулся костлявого плечика, спросил:

– Твой?

Она задумалась, забавно склонив головку набок, потом снова мотнула волосами. Быстро-быстро заговорила, показывая куда-то вдоль улицы.

– Ну, кажись, разберемся, – вздохнул Рамон.

– Или заведет сейчас куда-нибудь под стрелы, – предрек Бертовин.

– Не бросать же ее здесь. – Юноша поднял с мостовой гребешок, отдал девочке. Она ловко скрутила волосы в узел, зацепив гребнем. Рамон встал, протянул руку девочке, помогая подняться. Та коснулась себя.

– Лия.

Положила ладошку на грудь рыцарю, глядя снизу вверх прозрачными зелеными глазами.

– Рамон, – ответил тот, накрыв ее руку своей. Повторил: – Дом – где?

Она снова указала вдоль улицы.

Юноша кивнул. Дагобер подал шлем, придержал стремя. Рыцарь взобрался в седло.

– Бертовин, давай ее сюда.

Немного удивился, когда девочка устроилась по-мужски, свесив ноги по бокам лошади. Хотя кто их знает, этих язычников: и одеты чудно, и девки по чердакам неприятеля выслеживают. Может, так и положено.

Отряд кружил по улочкам. Рамон машинально запоминал повороты, изо всех сил стараясь не думать, что Бертовин мог быть прав и девчонка ведет под стрелы сородичей. Мало-помалу улицы становились шире. Дома из теснившихся друг к другу зданий в несколько этажей превратились в одно-двухэтажные особняки, прячущиеся за заборами. Кое-где двери были выбиты, а внутри хозяйничали занявшие город солдаты. Изредка на улицах попадались жавшиеся к стенам люди, одетые по местному обычаю. Женщин не было видно вовсе – попрятались, и правильно сделали. Некоторые не успели или не сумели – и Рамон несколько раз торопливо прижимал девочку к себе, закрывая глаза, чтобы та не увидела распластанные по мостовой тела с бесстыдно раскинутыми среди обрывков юбок ногами. Может, это и было сущей глупостью – уж наверняка за время осады Лия успела насмотреться на смерть. Может быть – но рыцарь отчаянно не хотел, чтобы девочка воочию увидела, что война может быть и такой. Он усмехнулся

под шлемом. Подвиги и слава.

Наконец они остановились у большого дома за кованым решетчатым забором. Бертовин коротко скомандовал – и один из пехотинцев перемахнул через ограду, открыл засов на воротах. Четверо воинов исчезли в саду, лучники остались стоять в воротах, настороженно вглядываясь в глубину сада. Девчонка вся изъерзалась в седле и, когда один из солдат показался на дорожке, ведущей к крыльцу, махнув рукой – мол, никого, – шустро соскочила наземь. Бертовин поймал ее за руку.

– Я отведу.

– Я сам, – сказал Рамон, спешиваясь.

– Дурак.

– Может быть.

Он снова стряхнул кожаную рукавицу, протянул девочке руку.

– Щит возьми, – предложил Бертовин.

– Некуда, сам видишь. – Правая рука нужна свободной, мало ли.

– Ну тогда хоть девку на руках неси, – посоветовал Дагобер. – А то стрельнут с чердака, и поминай, как звали.

– Значит, помянете! – рявкнул Рамон и пошел к дому, держа в руке теплую ладошку.

Он поднялся на крыльцо, грохнул латной рукавицей в окованную дверь старого дуба. Лия что-то крикнула, повторила. Из-за двери отозвался мужской голос.

Рамон выпустил руку девочки, отшагнул назад, готовый, если что, схватиться за меч. Дверь открылась, Лия рванулась внутрь, радостно вереща. Рамон встретился глазами с парнем, держащим взведенный арбалет, отчетливо понимая, что на таком расстоянии болт прошьет любой доспех. Тот что-то

коротко сказал, девочка ответила. Тяжело стукнула закрывшаяся дверь.

Рамон развернулся и пошел к своим людям, каждый миг ожидая стрелы в спину. Взобрался на коня, позволил себе расслабить плечи. Принял у оруженосца щит, дождался, пока подтянутся из сада воины. Тронул поводья, направляя коня туда, откуда слышался звук рога – герцог собирал свои войска в центре захваченного города.

* * *

Здравствуй.

Не знаю, интересно ли тебе, что происходит дома, но больше не о чем рассказывать. Не жаловаться же в очередной раз на то, что маменька не пустила на охоту. Порой я ощущаю себя мальчиком, еще ни разу не покидавшим родительский дом – и кому какое дело, что формально я царь и бог на своих землях. И уж тем более не имеет значение, что жена снова беременна… молю бога, чтобы и в этот раз родилась девочка. Приданое найдем.

Вот, не хотел жаловаться, а получилось. Ладно, сменим тему.

Третьего дня в замок приезжала актерская труппа, привезли постановку. Говорят, в столице эта пьеса произвела фурор. Не знаю, мне не понравилось. Впрочем, возможно, дело в исполнении: у главной героини отчетливо ломается голос[4 - В средневековом театре женские роли играли мальчики.], и слышать, как в самые драматические моменты актер дает петуха, довольно забавно. Хотя дамам понравилось: они любят истории про влюбленных, соединивших сердца вопреки жестоким обстоятельствам. Еще больше они любят длинные возвышенные монологи, коих в пьесе было с избытком.

Маменька затеяла ремонт в большой зале. Кое-где действительно нужно заменить сгнившие панели. И гобелены, по ее словам, «никуда не годятся». Засадила невесток ткать новые. Жена ворчит. Пусть сами разбираются. Не хватало мне еще судить бабские ссоры.

Сговорили старшего сына Авдерика: если все пойдет путем, лет через пять поженятся. Приданое за невестой дают хорошее, матушка довольна. Мальчику еще не сказали, приедет домой, узнает. Несколько месяцев роли не сыграют:

в десять лет мальчишек не интересуют подобные вещи.

Ходят разговоры о королевском турнире. Впрочем, все знают: на совершеннолетие наследника будет турнир, это традиция. Не знаю, что делать, если придет приглашение. Конечно, повод отговориться я найду. Беда в том, что мне не хочется отговариваться. А поехать… впрочем, я снова начинаю ныть, прости. Хватит.

Рихмер.

Глава 5

Как и предсказывал Рамон, армия стояла лагерем до конца недели. Женщины в окрестных деревнях попрятались по подполам, да и скотину рачительные хозяева свели в лес, от греха подальше. Мало ли что надумают господа, всех развлечений у которых – охота да ежевечерние попойки? И без того озимые потравили, жди теперь урожая.

Когда войско наконец тронулось, Эдгар обрадовался. Сам он не любил хмельного и охоту не жаловал, так что отказываться от постоянных настойчивых приглашений становилось утомительным. Самым странным было то, что Эдгар отнюдь не замечал всеобщей любви к себе, и подобная настойчивость казалась ему непонятной. Возможно, юноша просто слишком уж нарочито пренебрегал общепринятыми забавами.

Услышав об этом. Рамон рассмеялся – мол, что ты запоешь на корабле, оказавшись среди нескольких сотен человек, которым ну совершенно нечем заняться. Эдгар вздохнул и ничего не ответил.

Армия бесконечной змеей ползла по дороге. Рамон откровенно скучал, изредка ворча, что со своими людьми и без обоза проделал бы этот путь в два раза быстрее. Эдгар, почти не покидавший столицы, разглядывал окрестности. За годы, прожитые в городе, он успел привыкнуть к узким, покрытым брусчаткой улочкам, нависающим над головой стенам домов и вечному людскому гулу.

Шума и гомона хватало и сейчас, но юноша привык к нему, как когда-то привык к бесконечному гвалту студиозусов в университетских коридорах. Труднее оказалось привыкнуть к прозрачному весеннему небу, которое в городе дробилось на полоски по ширине проулков, и к простиравшимся до горизонта, где виднелась череда холмов, лугам. Над кустами полыни носились стрекозы с радужными крыльями, а где-то чуть дальше стрекотали кузнечики, да так громко, что, казалось, заглушали людские голоса. По левую руку медленно катилась река. Над величавой водой, заросшей листьями кувшинок, стремительно носились ласточки, чьи гнезда дырявили высокий берег по ту сторону. Довольно быстро Эдгар научился не слышать мерный топот копыт и солдатские разговоры, и тогда вокруг оставались только небо, река и холмы, что стоят века и простоят еще столько же и после того, как время напрочь сотрет память о людях.

Войско двигалось медленно, так что даже непривычный к верховым поездкам Эдгар не чувствовал в конце дня той одуряющей усталости, которая бывает после долгих переходов. Порой юноша ловил себя на том, что хотел бы, чтобы дорога не кончалась никогда. Потому что потом будет двухнедельное плавание в брюхе деревянного морского чудовища, чужой город с высокими стенами, снова дорога – но теперь с чужаками – и незнакомая страна с незнакомыми обычаями. Больше не с кем будет уйти из лагеря вверх по течению реки, туда, где ее не опоганило людское стадо. Не с кем будет сидеть у костра, пока вокруг медленно опускается темнота, делая неосязаемым мир за пределами круга пламени, когда молчание не тяготит, а разговор не утомляет.

Братья устроились на берегу с удочками, вырезанными из растущей тут же лещины. Солнце садилось за крутой берег, казавшийся черным на фоне алого неба.

– Красиво… – сказал Эдгар. – Ты хотел бы вернуться сюда?

– Я не успею.

Из лагеря донеслась песня. Судя по тому, что голосили вразнобой, певцы успели хлебнуть, и не по разу. Над рекой медленно собирался туман.

Рамон посмотрел на вытянувшееся лицо собеседника, усмехнулся.

– Не бери в голову. Я порой забываю, что кому-то не все равно, и брякаю что попало. Бертовин вон до сих пор так и не привык.

– Как к этому можно привыкнуть?

Молодой человек пожал плечами:

– Ну, я же привык. – Он снова посмотрел на брата и покачал головой. – Нет, это не бравада. Просто однажды я понял, что все равно – когда, важно – как. Стало легче. – Рамон рассмеялся. – Настолько, что можно стало даже позволить себе спасать прекрасных дам.

Эдгар неуверенно улыбнулся:

– Ты ее видел потом, ту девочку?

– Конечно. Славная оказалась девчонка.

* * *

Когда пришла пора выбирать дом, Рамон, недолго думая, поселился в том, с чердака которого вытащили пращницу. Благо, заброшенный, покрытый пылью и, судя по всему, успевший пострадать от воров, он никому больше не глянулся. Узнав об этом, оруженосец скривился: приводить в порядок жилье предстояло большей частью ему, найти слуг в разоренном городе не так просто. Дагобер даже попытался было уговорить господина найти что получше: положение Рамона и известная всем благосклонность, которую питал к нему герцог, позволяли не церемониться. Тем не менее юноше почему-то претило вламываться в чужое жилище, щедро оставляя бывшим хозяевам часть дома. Бертовину он сказал – мол, не хочется наживать лишних врагов, если можно обойтись без этого. Тот хмыкнул и завел речь о другом.

После нескольких дней безудержного грабежа герцог объявил, что дальше войско пока не пойдет – слишком дорого армии дался город. Посему на территории Агена снова действует закон и уличенный в мародерстве окажется на первом же дереве.

Нескольких действительно повесили. Болтающиеся на главной площади тела, по-видимому, действительно послужили уроком остальным, грабежи прекратились.

После этого в городе стало тихо, а на улицах снова появились жители. Правда, высовывать нос из дома после наступления темноты равнялось для пришлого самоубийству, и воины, порой задерживаясь в гостях, старались там же и ночевать. Особенно после того, как на ночных улицах исчезло несколько рыцарей, уверенных в том, что истинному воину все нипочем. Но днем город выглядел мирным и спокойным.

Урожая с разоренных войной полей ждать не приходилось, но рыба – ни речная, ни морская – не перевелась, и рыбаки, возвратившись в родные поселки, изо всех сил старались урвать поболе, пока цены на еду – любую еду – взлетели до небес. Нашлись отчаянные купцы, которые привели корабли в город. Снова зашумели рынки. Старожилы говорили, что они – лишь бледное подобие тех, что были до войны, но пережившим осаду и это казалось неземным изобилием.

Найти прислугу не получалось, и, признаться, Рамон был даже в какой-то степени рад этому. Уборку и приготовление еды он переложил на оруженосца, а остальные домашние хлопоты стали хоть каким-то развлечением среди вновь навалившейся скуки. Не будешь же, как некоторые, все время пить, оправдывая себя – мол, после войны неплохо бы и насладиться радостями мирной жизни. Он бы с удовольствием почитал что-нибудь, но, как на грех, полдюжины найденных в доме книг оказались совершенно непонятными. Впрочем, неудивительно: выучить местный язык Рамон до сей поры не удосужился. Но сколько теперь себя ни кори, непонятные значки на пергаменте яснее не становились.

Ночами Рамон спал беспокойно. После лагерной жизни, когда рядом постоянно кто-то находился, было трудно засыпать в одиночестве. Он подолгу лежал с закрытыми глазами, привыкая к тому, что вокруг все не так. Лагерная ночь казалась живой – храп соседей по шатру, фырканье привязанных лошадей, переклички часовых. Ночь в Агене – мертвой, не слышно было даже собачьего лая, да и откуда бы ему взяться в городе, где за два года осады съели всех животных, которых смогли поймать. Несколько раз за ночь юноша просыпался от тишины и потом долго ворочался, слушая, как где-то по углам скребутся вконец обнаглевшие крысы. Он давно велел расставить в доме ловушки, но серые твари оказались умны и на приманки не велись, предпочитая растаскивать по кухне помои и портить солонину.

Точно так же он проснулся и в ту ночь, но вместо того, чтобы, выругавшись, перевернуться на другой бок, – замер, пытаясь понять, что же не так. Рамон не верил в «чутье», но привык доверять ощущению опасности, даже если на первый взгляд оно казалось беспричинным. Он вскочил, отчетливо понимая, что скорее всего совершает глупость, подхватил лежащий у изголовья меч (еще одна глупость – кого опасаться в доме, где нет чужих, а во дворе караулит один из его солдат). И только когда от окна метнулась тень, понял, что бессонница, похоже, спасла ему жизнь, и закричал во все горло, зовя людей.

Ночной тать оказался совсем молодым парнем, едва ли не младше самого Рамона. Молодым и глупым – вместо того чтобы пуститься наутек, попытался достать врага ножом и, даже когда в комнату ворвались солдаты, все бросался на них, что-то крича по-своему, пока не упал замертво. На нем не нашлось ни украшений, ни гербов, ни каких-то заметных вещей, о которых можно было бы потом поспрашивать в городе – мол, не знают ли владельца. Да и нож на поверку оказался старым и дурно заточенным.

– Повесим на воротах, вдруг родня найдется? – предложил Бертовин.

– Много радости на покойника смотреть, – поморщился Рамон. – Похороните на заднем дворе, и пусть его, дурака.

– На себя посмотри. Ставни почему не закрыл?

– Потому что под окном был караульный. Что с ним?

– Я, господин… – единственный полностью одетый солдат потупился. – Виноват, господин.

Рамон ударил, размахнулся было снова, замер, медленно опустил руку. Заставил себя разжать стиснутые зубы, повернулся к Бертовину.

– Мертвого похоронить. Этого, – он кивнул в сторону провинившегося, – выпороть. Утром. И найди мне толмача, язык учить буду, устал жить, точно немтырь какой.

Под ногами мелькнула тень, юноша запустил в нее подсвечником, промахнулся, выругался.

– Добудь наконец хорька! Эти твари еду прикончат, за нас примутся.

– Где я тебе… – начал было тот, осекся, встретившись взглядом с воспитанником.

– Где хочешь! Хорька, горностая, кошку, наконец, нам тут не до церковных эдиктов. – Он обвел взглядом притихших людей. – Все. Спать буду. Свободны.

– Ставни…

– Вон!

Он с размаху пнул закрывшуюся дверь, зашипел, ругнулся и понял, что странным образом успокоился. Положил у изголовья меч, с миг подумав, сунул под подушку нож, забрался под одеяло и почти мгновенно заснул.

* * *

Рамон не стал выяснять, где закопали тело и сколько плетей досталось незадачливому караульщику. Тем более что спрашивать было особо не у кого – Бертовин исчез рано утром вместе с людьми, по словам оруженосца – раздобыть еды побольше, а заодно хорька поискать. Наказанный отлеживался где-то в задних комнатах. В доме было пусто и скучно.

Дагобер попытался было улизнуть из дома – «на рынок», но Рамон не пустил. Просто из чувства противоречия – повода не верить оруженосцу у него не было. После прошедшей ночи настроение было отвратительным, и очень хотелось на ком-то сорваться. Это казалось недостойным, но что делать, рыцарь не знал.

Он уже решил было предложить Дагоберу пройтись до рынка вместе – все какой-никакой повод развеяться, когда в дверь постучали. Оруженосец открыл. Рамон окинул взглядом стоящих в дверях и потянулся к мечу.

Старшего он видел впервые – благообразный старик в просторном черном одеянии, смахивающем на сутану. Но рядом стоял тот самый парень, что три недели назад встречал чужаков со взведенным арбалетом.

Гости поклонились. Рамон отвел руку от эфеса. Тогда обошлось без выстрелов в спину хотя, признаться, именно их он и ждал. Негоже теперь встречать гостей оружием – а пришедшие именно гости, иначе не стали бы стучать. Если только это не какая-то вражеская хитрость.

Он поклонился в ответ, замер, ожидая, что будет.

– Здравствуй, доблестный воин, – снова поклонился старик. Говорил он не слишком чисто, но понятно. – Благодарим, что пустил нас в дом.

– И вам желаю здравствовать, гости, – ответил Рамон. Кивнул оруженосцу – мол, что стоишь, забыл, как людей встречать. Тот понял, исчез за дверью, ведущей на кухню. – Проходите, – молодой человек указал в сторону стола, вдоль которого стояли лавки. Другого места, где можно было сесть, в этой комнате, служившей им столовой, все равно не нашлось бы. По правде говоря, в доме осталось не слишком-то много мебели, а прикупить пока было негде.

Вернувшийся оруженосец поставил на стол кувшин со сладким местным вином, плошку с мочеными яблоками и тарелку с ломтями хлеба, лежавшими вперемешку с толсто нарезанным рыхлым белым сыром. Разлил вино по глиняным кружкам, встал за спиной господина, как того требовали приличия.

Рамон первым пригубил вино, подождал, пока гости не поступят так же, спросил:

– Чем обязан?

– Мой господин хотел бы лично принести благодарность человеку, спасшему его дочь. Не у каждого хватит благородства не только пощадить несмышленыша, покушавшегося на его жизнь, но и проводить, защищая от опасностей войны, невзирая на то что подобная добродетель грозит стать гибельной.

Рамон поморщился. Он не любил напыщенных славословий и не умел принимать их с достоинством.

– Эк ты завернул…

– Прошу прощения. Я еще не слишком хорошо знаю ваш язык.

– Я ваш и так не знаю, – буркнул Рамон. – Признаться, я не был бы столь… милосерден, окажись на месте этой девчонки парень с арбалетом.

– Догадываюсь. Тем не менее мой господин был бы рад видеть тебя своим гостем. Мой господин понимает, что разумный человек не будет слепо доверять тому, кто еще недавно был врагом, и предлагает в качестве залога твоей безопасности на то время, пока ты будешь его гостем, оставить в твоем доме своего сына. – Он указал на сидящего рядом парня, до сей поры не проронившего ни слова.

– У твоего господина так много сыновей, что он готов рискнуть одним из-за выходки дочери? – поинтересовался Рамон.

– Мой господин уверен, что о людях можно судить по их командиру и его сыну в твоем доме ничего не грозит.

Рамон почувствовал, как за спиной заерзал было Дагобер, собираясь встрять в разговор, бросил быстрый взгляд на оруженосца. Тот притих, вспомнив о приличиях.

– Мой господин понимает, – продолжал меж тем старик, – что не подобает торопиться, принимая решение. Если ты не против, мы придем завтра в это же время. И если ты согласишься оказать честь своим визитом, я провожу тебя в дом моего господина. Ты можешь взять с собой столько людей, сколько сочтешь нужным для того, чтобы чувствовать себя в безопасности на улицах города, но в дом войдешь один. Люди подождут во дворе.

– Хорошо, – кивнул рыцарь. – Завтра в это время я дам ответ.

Он поднялся, жестом остановил попытавшихся было встать гостей. Вернулся, положил на стол отобранный у девчонки нож.

– Полагаю, эта вещь принадлежит твоему господину.

Парень встрепенулся было, потянулся к ножу, замер, точно не зная, как себя вести. Старик с достоинством поклонился:

– Это семейная реликвия. Но взятое в бою по праву принадлежит победителю.

– Да какое там «в бою», – усмехнулся Рамон. – А то сам не понимаешь.

Старик тонко улыбнулся.

– Понимаю. Но я поступил бы против приличий, согласившись взять эту вещь. Принять ли ее обратно, может решить только мой господин. Я расскажу ему. Впрочем, ты сам можешь поговорить с ним об этом, если согласишься почтить своим посещением.

Рамон кивнул.

– Хорошо. Завтра в это же время я дам ответ.

– Похоже, ты уже решил, – сказал Дагобер, едва за гостями закрылась дверь.

Рамон кивнул.

Оруженосец собрал со стола, вернулся.

– Не ходи. Мало сегодняшней ночи?

Рыцарь подал плечами:

– Они оставят заложника.

– «Заложника», – передразнил Дагобер. – Ты уверен, что это действительно сын хозяина дома, а не какой-нибудь крестьянин, семье которого хорошо заплатили?

– Я видел его в доме.

– Он может быть дальним родичем, слугой… да кем угодно!

Рамон снова пожал плечами, не ответив.

– Ты им веришь, – сказал оруженосец. – Или делаешь вид, что веришь… Не могу понять: ты в самом деле такой прекраснодушный болван, каким кажешься?

Рамон подпер подбородок кулаком, смерил взглядом собеседника.

– Кажется, ты забываешься.

– Нет, я помню, – усмехнулся Дагобер. – Оруженосец должен служить господину… но в «служить» входит и «оберегать от опасных глупостей, которые тот намеревается совершить». Помню, и что ты, хоть и мой господин, на год младше и, похоже, не успел набраться ума.

– В таком случае, может быть, тебе поискать другого господина? Постарше и поумнее? – Рамон поднялся из-за стола, подошел ближе. Роста юноши были одного, и посмотреть сверху вниз не вышло, но было во взгляде что-то, отчего оруженосец шагнул назад. – Либо ты держишь язык за зубами, пока не спросят, и беспрекословно подчиняешься, либо отправляешься вон – и я не знаю, примет ли кто-то оруженосца, которого прежний господин прогнал с позором. Может, и примет, из уважения к твоему отцу.

– Ты не посмеешь!

– Посмею. Мне нужны люди, которые будут выполнять приказы, а не разводить по любому поводу споры, точно базарные бабы. Я могу спросить совета, но решать буду – сам. Ты понял меня?

– Да, господин.

Рамон кивнул, вернулся за стол.

– Зря вино унес, давай обратно. А потом ты, кажется, хотел сходить на рынок.

Оруженосец вернулся с вином.

– Рамон, – осторожно произнес он. – Позволь спросить…

– Твой отец научил, – хмыкнул тот.

Бертовин с людьми вернулся после обеда, привез добытую в окрестных лесах косулю и двух зайцев. Хорька он не нашел – в городе зверей не осталось, а в рыбачьем поселке, куда они заглянули, местные просто не поняли (или сделали вид, что не поняли), чего от них хотят чужеземцы. Правда, кошка им по дороге попалась – один из солдат щеголял располосованным лицом, хорошо хоть, глаза не задело. А наглая тварь улизнула, только ее и видели. Конечно, стрелой бы ее достали, но много ли проку в дохлой кошке?

Выслушав рассказ Рамона, воспитатель вздохнул:

– Хочешь знать, что я об этом думаю?

– Догадываюсь, – усмехнулся тот. – Что я, как это… «прекраснодушный болван», который верит всем подряд.

– Оруженосца выдрал, чтобы впредь думал, что несет?

– Да вроде я и так ему объяснил, что к чему.

– Ну, как знаешь. – Бертовин помолчал. – Я бы к ним не пошел, но ты, похоже, решил рискнуть. В этом есть здравое зерно: раз уж нам жить бок о бок с этими людьми, нужно заводить союзников. И лучше возможности, пожалуй, не найдется.

– Я подумал о том же, – кивнул Рамон.

* * *

На следующий день гости вернулись, как и обещали. Рамон передал парня на попечение Бертовина, а сам в сопровождении старика и двух своих людей отправился отдавать визит.

Он удивился, обнаружив, что идти оказалось совсем недалеко: в прошлый раз путь показался куда дольше. Припомнив дорогу, он понял, что девчонка вела кружными путями, видимо, изо всех сил стараясь, чтобы найти дом второй раз было не так-то легко. Рамон мысленно улыбнулся: пожалуй, он поступил бы так же. Мало ли что взбредет в голову чужеземцам, даром что в этот раз добрыми оказались. Хотя нет, сейчас он попытался бы сбежать по дороге. Но в десять лет – или сколько там этой девочке – именно так. Но сам он хорош, не заметил такой простой уловки. Надо будет спросить Бертовина, вот будет весело, если окажется, что девчонка обвела их, дюжину взрослых мужчин, вокруг пальца.

Их встретили у ворот. Людям предложили вместо лавок толстые деревянные кругляши – как раз усесться взрослому мужчине. Рамон прошел через уже казавшийся знакомым сад.

У него дома гостя бы провели в зал, где хозяин замка ожидал посетителей. Здесь хозяин вышел сам, встретив на пороге.

Юноша поклонился первым, как и подобает вежливому гостю. Хозяин, чуть огрузневший мужчина лет сорока, вернул поклон. Рамон не взялся бы угадывать, к какому сословию принадлежит семья девочки. Одежда из добротного шелка, с изящным серебряным шитьем – но сам шелк был серо-голубого цвета, считавшегося на родине Рамона будничным и неблагородным. Массивный золотой перстень с филигранью – но кроме него никаких украшений: ни цепи, ни браслетов, ни серьги. Оружия хозяин дома тоже не носил – по крайней мере на первый взгляд. Гладко стянутые в хвост темные волосы, коротко подстриженная борода. У себя дома Рамон с первого взгляда отличал аристократа от купца, как бы последний ни пытался пустить пыль в глаза. Но поди разбери этих язычников.

– Рад видеть тебя под кровом своего дома.

Говорил хозяин через толмача, неспешно, давая время для того, чтобы тот успел перевести, и эта манера оставляла впечатление спокойного достоинства.

– И ты здравствуй, почтенный хозяин.

– Мой дом знавал лучшие времена, но не к лицу оставлять гостя без угощения. Разделишь ли ты его с нами?

Рамон снова поклонился:

– Гостю дорога хозяйская честь, а не достаток. Я с благодарностью приму угощение.

Оставалось только надеяться, что язычники едят человеческую пищу, а не каких-нибудь тараканов. Впрочем, если на рынках у них продавалась нормальная еда, значит, и приготовлено будет что-то съедобное. Ну, или не совсем уж несъедобное. Как бы то ни было, отказаться от еды значило показать, что таишь недоброе, и в этом, насколько Рамону было известно, местные не отличались от его народа. К счастью, угощение на столе выглядело съедобно и пахло вкусно. Похлебка из чего-то, напоминающего горох, но немного отличающегося по вкусу, рыба с незнакомыми травами, раки – эти по крайней мере выглядели привычно.

За столом разговор не сложился: Рамон был слишком занят необычной едой и чужим этикетом. Конечно, ему, чужаку, могли простить – да и наверняка простили какие-то мелочи, но вести себя вызывающе тоже не годилось. Так что пришлось во все глаза наблюдать за хозяином дома.

После обеда, во время которого юноша сумел не совершить ничего непростительного, Рамона провели во внутренний дворик, засаженный розами. Хозяин, представившийся как Амикам, опустился на скамью в резной беседке, указал гостю место напротив.

– Ты очень юн, как по нашим, так и по вашим меркам. Как случилось, что ты уже воин, командующий людьми?

Рамон помедлил с ответом:

– Так вышло. Будет ли правильно и достойно хвастаться битвой, где с одной стороны погиб мой родич, а с другой – твои соотечественники? Я защищал своего господина, он решил, что это достойно посвящения. Копье я принял после погибшего брата.

– Доблесть, скромность и великодушие, – усмехнулся хозяин. – Редкое сочетание. Дочери повезло, что ей попался именно твой отряд.

Рамон пожал плечами, как отвечать в таких случаях, он не знал. Выждав, не скажет ли Амикам еще что-то, развернул принесенный сверток.

– Твой человек сказал, что это семейная реликвия.

– Взятое в бою по праву принадлежит победителю.

– Какой может быть бой между девчонкой и дюжиной взрослых мужчин?

Хозяин покачал головой:

– Не скрою, эта вещь дорога мне, но я не могу просто взять ее обратно. Однако обычай не запрещает выкупить трофей. Что ты предпочтешь: золото или оружие?

– Оружие.

Маменька наверняка сказала бы, что он глупец. Герцог бы с ней согласился. Действительно, в оружии ни сам Рамон, ни его люди недостатка не испытывали, а золото пригодится всегда. Но принимать деньги от недавнего врага казалось неправильным. Да, юноша не таил зла ни к отцу девчонки, ни к ней самой – но все равно взять золото не мог. А оружие – это оружие, в том, чтобы принять его, нет бесчестья.

Амикам кивнул, кликнул слугу. Вскоре тот вернулся, неся еще один нож – не менее богато украшенный, чем тот, что все еще держал в руках Рамон, но казавшийся новее. Рядом с благородной стариной узор выглядел чересчур ярким и вычурным. Тем не менее сталь была хороша, и работа мастера казалась безукоризненной. Взглядом испросив разрешения у хозяина, Рамон повесил нож

на пояс.

Хозяин дома положил вернувшуюся реликвию на колени, провел пальцами по завиткам на ножнах.

– Ты согласишься бывать у нас? Ты нравишься мне, а моей дочери будет полезно узнать о ваших обычаях и языке из первых рук. К тому же ты нравишься и ей.

Рамон кивнул:

– Но я попрошу тебя об услуге. Не мог бы твой человек учить меня вашему языку и обычаям?

– Спроси у него самого. Хасан – не слуга мне, он друг нашей семьи.

– Он говорил о «господине», и я ошибся. Прошу прощения. – Юноша поклонился и обернулся к толмачу. – Что скажешь?

– Это честь для меня.

– Твоя цена?

– Ты уже расплатился сполна: я люблю Лию как собственную дочь… а вот, кстати, и она.

Рамон обернулся. В этот раз девочка была одета как подобает. Платье изумрудного шелка, усыпанное драгоценными камнями зеркальце, подвешенное к поясу на золотой цепочке-шатлене, распущенные темно-каштановые пушистые волосы. Рамон нипочем бы не узнал в ней того волчонка с бешеными глазами, не ожидай он встречи заранее.

– Здравствуй, – улыбнулась девочка, присев в реверансе.

– Здравствуй, – поклонился Рамон. Мимолетно подумал, что за сегодня было отвешено столько поклонов и произнесено столько напыщенных слов, что куда там герцогскому приему. – Девочкой ты нравишься мне больше.

– Я себе тоже, – рассмеялась она. – Но в платье неудобно лазить по крышам.

– Пожалуй, я прикажу спрятать мужскую одежду, подходящую по размеру, – произнес ее отец. – На случай, если тебе снова вздумается повоевать.

– Ну сейчас же нет войны, – отмахнулась она. Протянула Рамону трехцветную кошечку, которую до сих пор держала на руках: – Хочу подарить тебе. В доме, где ты живешь, полно крыс.

– Благодарю. – Юноша принял подарок, с сомнением глядя на зверька, способного уместиться на мужской ладони. – Она правда умеет их ловить?

– Умеет, – кивнула девочка. – Она знатный крысолов, хоть еще и не совсем взрослая. Вслед за крысами ходит черная смерть, а я не хочу, чтобы она пришла в твой дом.

– Ты хочешь сказать… – медленно произнес Рамон.

– Ну это же все знают! Крысы носят черную смерть. Просто когда кругом голод, люди боятся его больше, чем всего остального. Кошек съели, как перед тем съели собак, и крысы заполонили город. Но мой отец мудр, и он повелел, что в нашем доме кошек есть не будут, даже если в нем не останется ни куска мяса… – Она вздохнула. – И так и было. Но я бы все равно не смогла их есть.

– Когда началась осада, многие не верили, что это надолго, – вмешался Амикам – Я тоже не верил, но решил, что лучше я буду глупцом, испугавшимся тени, чем моя семья станет голодать. Мои люди посмеивались за спиной: не только превратить дом в склад, которому позавидовал бы любой купец, но и запасти семена и засадить сад вместо цветов репой и брюквой, а в пруд – там, на заднем дворе, – запустить мальков карпа. И приказал никогда, ни при каких обстоятельствах не рассказывать чужим об этом. Потом смеяться перестали. Не могу сказать, что еды было в достатке, но никто ни в моей семье, ни среди моих слуг не умер от голода. А кошки… на самом деле меня больше волновало то, что крысы могут попортить еду, чем черная смерть. Но Лия права. В городе развелись крысы, и болезнь может прийти в любое время.

– У меня дома про черную смерть говорят иначе. – Рамон пытался уложить в голове только что услышанное. Получалось плохо. – Возможно, ученые умы

вашей страны правы… не мне судить. Но как вышло, что ребенок низкого пола обладает этими знаниями?

– Как ты сказал? «Низкого пола»? – расхохотался Хасан.

– Что? – вскочила девочка и тут же, встретив взгляд отца, опустилась на лавку.

– Прошу прощения. – Рамон прижал ладонь к груди. – Я никого не хотел обидеть. Но я привык считать, что наука – удел мужчин, а доля женщин – дом и изящное рукоделие. Ваш народ полагает иначе?

– На моей родине думают так же, – улыбнулся в бороду старик. – Но я долго прожил среди этого народа и могу сказать, что их женщины способны к наукам ничуть не меньше мужчин… не знаю, то ли потому, что рождены не такими, как на твоей и моей родине, то ли потому, что, обучая детей наукам, здесь не делают различий между мальчиками и девочками. – Он хмыкнул. – И если ты хочешь спросить, зачем женщинам наука, лучше не рискуй. По крайней мере при Лие. Она лучшая моя ученица.

Рамон обвел взглядом хозяев дома – может, они просто решили посмеяться над не знающим жизни чужеземцем? Но нет, судя по серьезным лицам мужчин и возмущенному – девочки, его не разыгрывали. Он хотел было спросить, чему именно учат Лию, но это могло погодить. Прежде следовало исправить содеянное.

– Я никого не хотел обидеть, – повторил он. – Как мне поступить, чтобы загладить вину?

– Думаю, извинения будет достаточно, – сказал Амикам. – Ты чужеземец.

Рамон поднялся, поклонился девочке:

– Лия, от всей души приношу свои извинения. Я не хотел обидеть тебя.

Она встала, с совершенно серьезным видом вернула поклон.

– Извинения приняты.

Опустилась на лавку, улыбнулась, снова став девчонкой.

– Только не ляпни что-нибудь такого, когда будешь общаться с дамами. Съедят.

– Не буду, – совершенно искренне пообещал Рамон.

Когда пришла пора возвращаться, хозяин дома вышел проводить к воротам.

– Не думал, что ты возьмешь так мало людей.

– Я счел, что в гостях мне нечего опасаться.

– Это так, – кивнул Амикам. – И все же я дам провожатых. Мой сын в твоем доме, и я не хочу, чтобы по дороге что-то случилось. Что-то, что даст твоим людям повод вспомнить о заложнике.

– Как будет угодно.

Домой они добрались без происшествий. Передав парня с рук на руки людям Амикама, Рамон выпустил кошку осваиваться в доме. Опустился перед камином на медвежью шкуру, добытую невесть где Бертовином. Дагобер примостился рядом с господином.

– Рассказывай, – сказал Бертовин, устраиваясь на лавке.

Рамон кивнул и начал рассказывать.

– Чушь, – не выдержал оруженосец, когда речь дошла до разговора о черной смерти. – При чем тут крысы? Все знают, что виноваты криды – недаром болезнь их не трогает.

– Все знают, – кивнул Бертовин. – Но когда черная смерть разгулялась в столице и кридов изгнали из города – что-то изменилось?

– Болезнь ушла.

– Ушла, – согласился воин. – Через два месяца. Не слишком ли долго?

– А может, болезнь их не трогает именно потому, что в домах кридов нет крыс? – протянул Рамон. По пути домой он не переставал думать о том, что услышал от чужих, и сейчас рыцарю казалось – ответ вот-вот найдется. – Им запрещено возделывать землю – поэтому они превратились в народ ростовщиков и торговцев. Их вера предписывает есть только особым образом приготовленную пищу. Не может ли быть, что они не держат дома запасов еды, а значит, крысам негде разгуляться?

– Думаешь? – Дагобер с сомнением покачал головой.

– Криды не торгуют едой. А еще они не ходят на праздники и в церковь, – вмешался Бертовин.

– Не хочешь ли ты сказать, что зараза может жить в доме Господа нашего? – взвился оруженосец.

– Тихо! – прикрикнул Рамон. – Оставим в покое церковь. Крысы. Я склонен верить тому, что услышал.

– Похоже на правду. В любом случае, от кошки в доме хуже не будет, – согласился Бертовин.

– Я видел, что ты отчасти утратил веру, – прошептал Дагобер. – Но что дело зашло так далеко… Кошки – твари нечистого, так говорят отцы церкви.

– Перестань причитать. – Рыцарь осенил себя священным знамением. – Видишь, ничего не случилось. Нет во мне никаких бесов. Хочешь, кошку в святой воде искупаем?

– Нет.

– Слава богу, не совсем помешался, – усмехнулся Рамон. – Как по девкам бегать, так никакие наставления отцов церкви не мешают, а тут… Успокойся и подумай. Потому что, если здешние ученые правы, герцог должен об этом знать.

Дагобер замолчал, и молчал довольно долго. Наконец он перестал теребить шкуру и поднял голову.

– Я расскажу отцу.

В эту ночь поспать снова не удалось. Рамону мерещилось, что вокруг бой и все залито кровью… реками крови. Проснуться среди ночи было облегчением – но запах крови никуда не делся. Юноша открыл глаза и заорал от неожиданности – прямо на него смотрела оскаленная чудовищная морда, кровь в лунном свете казалась черной. Он рывком вскочил, подхватывая меч. Выругался, разглядев то, что его так напугало. На подушке лежала крыса с наполовину отгрызенной головой.

Дверь с размаху шарахнулась об стену, в комнату влетел Бертовин с оружием наготове. Перевел взгляд с воспитанника на «чудовище» в кровати и расхохотался.

– Смешно ему, – проворчал Рамон. – Чуть не обделался: просыпаюсь, а тут этакая харя перед носом.

– Привыкай, теперь каждый день так просыпаться будешь.

– Вот спасибо, порадовал. – Юноша оглянулся на шорох. Из темноты дверного проема показалась кошка. Подбежав к кровати, она вспрыгнула на подушку. Еще одна крыса легла рядом с предыдущей.

Бертовин зашелся в очередном приступе смеха.

– Добычей делятся, а ты не ценишь.

– Благодарствую, мать ее так…

Рамон вернулся в кровать. Скорчив брезгливую мину, взял за хвост обеих крыс, положил их на пол. Посадил рядом кошку, пригрозил:

– Еще раз мне под нос положишь – хвост оторву. Я это не ем, ясно?

Запустил подушкой в сторону хохочущего воспитателя. Тот понял намек, исчез за дверью. Рамон пощекотал кошку за ухом. Та потерлась щекой о руку, спрыгнула с постели и юркнула в щель.

Утром на полу ровным рядом лежало полдюжины крыс.

Глава 6

Море дало о себе знать загодя: свежим соленым воздухом, разлившимся меж холмами, кружащимися над головой чайками. И все же, когда холмы раздвинулись, открывая сероватую бесконечность, Эдгар замер от неожиданности. Слишком уж оно было огромным. Проведшему детство среди лесов, а юность – в камне узких городских улиц казалось невозможным поверить в то, что все это – настоящее.

Эдгар направил коня к берегу, остановил неподалеку от обрыва. Где-то за спиной войско продолжало мерно двигаться своим путем – на запад к гавани. Но сейчас Эдгару не было до них дела.

Рядом спешился Рамон, шагнул к краю бездны.

– Осторожней! – не выдержал Эдгар.

Тот отмахнулся, начал спускаться, прыгая по камням. Эдгар хотел было последовать за братом, но одного взгляда вниз хватило для того, чтобы замерло, отказываясь подчиняться, тело, а ноги стали ватными.

– Рамон!

– Иди сюда, – откликнулся тот. – Тут здорово.

Ученый снова глянул вниз: Рамон устроился на небольшом каменном карнизе, свесив одну ногу и опираясь подбородком на колено другой. Далеко внизу шелестели волны, вылизывая скалы.

– Иди сюда! – повторил он, глядя снизу вверх.

Эдгар покачал головой, честно признался:

– Боюсь.

– А, – отозвался брат, и Эдгар, как ни старался, не смог уловить в голосе ни тени насмешки. – Понятно. Ты иди, если не хочешь ждать, я догоню. Коня только стреножь.

– Я тут посижу. – Молодой человек опустился на валун. Помолчал, глядя на волны.

– Красиво.

– Красиво, – повторил снизу Рамон. – Хочу запомнить. Люблю море.

– Разве в Агене его нет?

– Там оно другое… Не знаю, как объяснить. Увидишь.

Он в самом деле не знал, как объяснить, порой чувствуя себя удивительно косноязычным. Но то, что это море – серая вода под серыми тучами, холодная, несмотря на начало лета, – разительно отличалось от того, яркого, в бликах солнечных зайчиков, пляшущих на волнах, казалось очевидным. Он не смог бы сказать, какое любит больше. Там, на западе, в Агене, он скучал по дому и, прожив два года, не выдержал, попросил герцога отпустить. Тем более что дальнейшие завоевания, похоже, откладывались – за эти два года армия едва-едва смогла навести порядок в окрестностях города. Но и дом оказался чужим. То, что в памяти чудилось родным гнездом, наяву оказалось холодными каменными стенами, полными сырости и сквозняков, и чужими людьми, которых Рамон вроде был бы должен любить, но никак не выходило. С матерью он рассорился едва ли не через неделю после возвращения, потребовав отчета о том, как ведутся дела – как-никак, именно Рамон с Рихмером теперь были старшими мужчинами в доме. И если брат предпочитал не лезть в дела, отговариваясь скукой, а на деле – опасаясь спорить с матушкой, не желавшей выпускать главенство из рук, то привыкший повелевать людьми Рамон хотел

быть хозяином в собственном доме. Ему это удалось, но мать фактически перестала общаться, ограничиваясь парой вежливых фраз за обедом. В качестве шага к примирению Рамон согласился жениться – и мать оттаяла, когда ей препоручили выбор невесты и организацию свадьбы. Самому юноше было совершенно все равно. Жена оказалась тихой и незаметной, как и полагается девушке из хорошей семьи, слушала мужа, опустив очи долу, со всем соглашаясь – и Рамон потерял к ней интерес еще до конца медового месяца, сведя все общение к выполнению супружеского долга и все тем же пустым разговорам за обедом. Наверное, это было неправильно, но по-другому не получалось.

Он сам не знал, чего ждет от возвращения на запад. Порой Рамону казалось, что память услужливо подсовывает то, как должно было быть, вместо того, что было на самом деле. Что он придумал себе Аген, как когда-то придумал отчий дом. Но по крайней мере сюзерену он был нужен, а родне – нет.

* * *

Похоже, Дагобер не стал откладывать разговор с отцом, потому что герцог вызвал Рамона уже через день. Явившись, юноша обнаружил в зале, служившем герцогу приемной, Хасана и отца Сигирика, присланного высоким престолом. Его святейшество полагал, что не след оставлять войско, должное нести язычникам свет истинной веры, без представителей церкви. Справедливости ради нужно сказать, что Сигирик не только справлял службы, отпускал грехи перед битвой и следил за нравственностью вверенной ему паствы. Решив, что служителю Господа подобает проявлять милосердие не одними молитвами, он вместе со своей свитой ходил за ранеными, не говоря уж о последнем причастии. И все же его недолюбливали, да и трудно любить человека, который вместо того, чтобы закрывать глаза на мелкие грешки, свойственные всем людям, пускался проповедовать. Многие из застигнутых им на месте преступления предпочли бы епитимью воистину зубодробительному морализаторству.

Герцог вошел в зал, кивнул в ответ на поклоны, жестом отпустил слуг. Вместо того чтобы воссесть на богато разукрашенное подобие трона, по-простому опустился на ступеньку рядом, указал гостям на приготовленные для них сиденья. Сигирик скривился – сам он и без того разговаривал бы с герцогом сидя, но позволить то же мальчишке и язычнику… Авгульф сделал вид, что не заметил выразительной гримасы святоши, и велел Рамону пересказать услышанное от Лии. Тот начал рассказывать, стараясь не упустить ни малейшей

детали.

– Бред! – вскричал священник, едва Рамон заговорил о крысах. – Все знают, что…

– Отче, – мягко прервал его герцог. – Прошу тебя, дай гостям ответить на мои вопросы. Трудно о чем-то судить, не выслушав до конца.

– Не всякие речи должно слушать. То, что противоречит святому писанию, не должно осквернять ни слуха, ни мыслей.

– Отче, твои познания в святых текстах превосходят мои. Не будешь ли ты так добр напомнить, каким именно строкам писания противоречат слова этого юноши?

– Они противоречат здравому смыслу. Все знают, что…

– Значит, писанию они не противоречат? Тогда позволь, мы закончим разговор. – Герцог кивнул бывшему оруженосцу. – Рамон, продолжай.

– Да я, по сути дела, закончил.

– Хорошо. – Авгульф повернулся к Хасану. – Скажи, здесь действительно считают, что черную смерть носят крысы?

– Да, господин.

– Признаться, я не понимаю. У нас говорят, что эту болезнь наводят своим колдовством криды. Когда в город приходит черная смерть, она никогда не заходит в их дома, и это позволило ученым мужам утверждать, что сей народ в сговоре с болезнью.

– Криды… – протянул Хасан. – Правильно ли я понял, ты говоришь о народе, что рассеян по всему свету, не имея родины?

Герцог кивнул.

– Мне кажется странным мнение, будто они не болеют, – сказал толмач. – Когда в город приходит черная смерть, криды тоже заболевают, я не раз видел это собственными глазами.

– Некоторые считают, – сказал Авгульф, – что криды просто ненавидят истинную веру и пользуются любым способом, чтобы навредить тем, кто ее исповедует. Правда это или нет, но подобное мнение дает хоть какое-то объяснение, зачем это нужно кридам – если болезнь наводят они. Зачем это нужно крысам и могут ли неразумные твари наводить черную смерть?

– Ты прав, крысам это не нужно, тем более что животные не умеют чего-либо желать. Наши ученые мужи считают, что сперва они заболевают сами, болезнь разносится от твари к твари. И когда больных крыс становится слишком много, черная смерть переходит к людям – возможно, с подпорченной пищей или с миазмами, которые распространяют больные животные. Не раз было замечено, что сперва в домах начинают появляться крысиные трупы, а вскоре в город приходит черная смерть.

– Тогда почему наши ученые мужи не заметили то, что, как ты говоришь, неоднократно замечали ваши?

Хасан пожал плечами:

– Может быть, дело в том, что наши искали ответ, а ваши полагали, что уже знают его?

Герцог кивнул и надолго замолчал.

– Я велю своим людям поставить ловушки, – сказал он наконец. – Но этого может быть мало. Говорят, ваш народ разводит кошек.

– Язычники! – не выдержал Сигирик. – Кошки есть порождение нечистого!

– Вы не приручаете хорьков и ласок? – продолжал герцог, словно бы не слыша священника.

– Это так, – кивнул Хасан. – Мы разводим кошек.

– Благодарю тебя. Можешь идти.

Тот с достоинством поклонился и вышел.

– Никто не захочет держать дома беса, – протянул Авгульф.

Рамон хотел было сказать, что ничего бесовского в своей трехцветной мурлыке не заметил, но, взглянув на священника, решил промолчать.

– С другой стороны, – продолжал герцог, – святой престол в своих письмах говорит о черных кошках, ни словом не упоминая о…

– Какая разница! – не выдержал Сигирик. – Ты впадаешь в…

– Рамон, выйди, – резко сказал сюзерен. – Я позову.

Юноша кивнул и едва не бегом покинул зал.

Ждать пришлось долго. Наконец из двери вылетел покрытый красными пятнами отец Сигирик, а следом выглянул герцог.

– Заходи.

Он снова опустился на ступеньки у трона, жестом приказал юноше сесть.

– Запомни: выкручивать людям руки нужно без свидетелей. – Авгульф усмехнулся. – Даже если делаешь это с позиции логики, а не силы. Впрочем… ладно, неважно. Я издам указ, предписывающий моим людям изводить в своем жилье крыс всеми доступными методами. А отче прочтет проповедь о том, что черные кошки суть посланцы нечистого, но, – он воздел указательный палец, – только они. Так как святой престол в своих письмах поминает исключительно черных кошек, ни словом не говоря о других, значит, остальные твари безвредны с духовной точки зрения и крайне полезны для истребления крыс… тем более что других животных, способных это сделать, здесь не найти.

– А он прочтет? – поинтересовался Рамон.

– Да. Но давай о другом. Ты знаешь, почему пал город?

Рамон припомнил риторику отца Сигирика:

– Господь снизошел к неустанным молитвам…

– Брось, – фыркнул герцог. – Никто не подслушивает.

– Откуда ж мне знать?

– В столице умер король, не оставив наследника. И тот, кто вел сюда войско, узнав об этом, повернул назад – престол показался ему интересней, чем битва за город. Когда весть о том, что помощи не будет, дошла сюда, наместник бежал… Говорят, кроме него никто не знал про тайный ход. – Авгульф пожал плечами. – Может, врут, может, правда. Словом, наместник сбежал, никого не поставив в известность. А тот, кто был его правой рукой, узнав о бегстве господина, приказал открыть ворота.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что у Господа странное чувство юмора. Человек, у которого ты гостил третьего дня, был тем самым открывшим ворота.

Рамон присвистнул. Герцог кивнул.

– Он говорит, что счел это единственным разумным выходом – да ты сам видел, что творилось в городе. Но кто знает, что на самом деле у него за душой?

Рамон поморщился.

– Господин, прости, я воин, а не доносчик.

– А я и не прошу доносить, – усмехнулся Авгульф. – Я только хотел сказать: надеюсь, ты и впредь не утаишь от меня то, что сочтешь важным. Ступай. И спасибо тебе.

* * *

Они долго молчали, думая каждый о своем. Наконец Рамон оглянулся:

– Поехали?

Эдгар кивнул, протянул руку, помогая выбраться. Рамон принял поводья, снова подошел к краю обрыва, заглянул вниз. Брат подхватил его под руку.

– Не дергайся, – усмехнулся воин. – В этот год со мной ничего не случится.

Он вскочил в седло, тряхнул волосами:

– Догоняй. Спорим, я быстрее?

Эдгар проглотил словцо, не подобающее его будущему сану, и пустил коня вскачь.

Корабли Эдгару не понравились. Когда-то, еще мальчишкой, он любил слушать рассказы о чужих странах и диковинных людях. Корабли в этих рассказах именовались не иначе как «быстроходные», а то и «величественные», и Эдгару невольно представлялось нечто стремительное и грациозное, подобное по красоте породистому скакуну. Низкие, тяжелые, с круглыми, словно надутыми изнутри боками, суда настолько отличались от его фантазий, что юноша почувствовал себя обманутым.

– Это плавает? – протянул он, разглядывая огромные просмоленные борта.

– Иногда тонет, – хмыкнул Рамон.

– Типун тебе на язык. – Ученый осенил себя священным знамением.

– Каков вопрос, таков и ответ. – Молодой человек рассмеялся. Посмотрел на кислое лицо брата и стал серьезным: – Это торговые корабли. А купцы – народ осторожный. Так что это самый надежный из вариантов. И довольно быстрый. Две недели – и мы на месте.

Эдгар с сомнением покачал головой, вздохнул:

– В конце концов, все в руке божией.

– Истину глаголешь, – фыркнул воин. – Тут рядом город. Если хочешь, пошлю человека запастись выпивкой. Будешь всю дорогу или в стельку, или с похмелья – в любом случае, будет некогда думать о том, какая под тобой глубина.

– Не надо.

– Многие так и делают.

Эдгар снова вздохнул:

– Я бы предпочел предстать перед Господом в здравом уме.

– Типун тебе на язык. – Рамон хлопнул брата по плечу. – Что ж, будешь единственным трезвым человеком на корабле, не считая команды. Потому что те, кто не пьет от страха, напьются от скуки. А человека в город я все же пошлю – Хлодий вон тоже зеленый бродит, а Бертовин точно не подумал для него вина припасти.

– «Тоже», – невесело усмехнулся Эдгар. – Что, так заметно?

– Мне заметно. Другим – не уверен. Не бери в голову. Бояться не стыдно. Стыдно, когда страх берет верх над разумом.

– Мне кажется, ты ничего не боишься.

Рамон пожал плечами:

– Я уже плавал и туда и обратно. Как видишь, жив-здоров.

– Я не о том.

– Я понял. – Молодой человек помолчал. – Свое я уже отбоялся. В ту ночь, когда погиб Авдерик, и потом, когда понял, что… Что «все мы смертны» – плохое утешение, когда знаешь, сколько тебе отведено. Было так плохо… порой казалось – лучше бы я погиб в том же бою, вместе с братом. Потому что так жить – невозможно… невозможно, когда жизнь превращается в страх, а мне казалось тогда – отныне так и будет… все то время, которое мне отведено. А потом… не знаю, что случилось… вдруг стало очевидным: у меня есть время либо на жизнь, либо на страх. И я выбрал жизнь.

* * *

Поначалу все шло именно так, как и предрекал Рамон. Набившиеся в трюмы кораблей люди, кажется, даже не стали дожидаться, пока те отчалят. Мигом сбившись в группы – господа с господами, простые ратники с себе подобными, слуги своей компанией, – пассажиры начали заливать вином то ли страх, то ли скуку. Хуже всего оказалось то, что уединиться на корабле было невозможно, и волей-неволей Эдгару приходилось слушать нестройное пение, цветистую ругань, а периодически и наблюдать за драками… Однажды он попытался вмешаться, мол, воинам нечего делить, и лучше бы приберечь пыл для язычников. Синяк под глазом довольно быстро привел ученого в чувство, отбив желание лезть не в свое дело. Рамон принес с палубы ведро ледяной забортной воды, и они вместе долго возились с примочками. Ткань моментально грелась, Эдгар шипел, Рамон хохотал – мол, нашел место и время читать проповеди.

– Но ведь это неправильно, – не выдержал ученый. – Разве пристало благородным рыцарям вести себя, точно подвыпившим подмастерьям?

Рамон рассмеялся еще пуще:

– Братишка, в какой башне слоновой кости тебя воспитывали? Что, студиозусы не бьют друг другу морды, предварительно надравшись как следует?

– Ну…

– Так если будущие светила церкви могут вести себя таки образом, то почему это не пристало рыцарям? Или ты хочешь сказать, что кодекс поведения отцов церкви менее строг, нежели воинский?

Эдгар не нашелся, что ответить, и решил сменить тему.

– Щиплется…

– Ничего, быстрее сойдет.

– Да плевать, не девка ведь. Нашел с чем возиться.

– Явишься ко двору с битой мордой, сплетен не оберешься.

– Кому я там сдался?

Рамон в который раз выжал тряпицу.

– Не скажи. Так далеко от дома каждый новый человек – событие.

– Так вон их, новых, пять кораблей плывет.

Воин вздохнул.

– Не пойму, то ли ты в самом деле дитя малое, то ли притворяешься.

– О чем ты?

– Ты едешь учить невесту герцога. Полновластного хозяина новых земель, раздающего лены. Брата короля – но это мелочи. Тебя не оставили бы без внимания, даже если бы ты был безродным подмастерьем.

– Так я и есть безродный…

– Да ну? Матушка не успела вдолбить тебе генеалогию? Мы с королями в родстве были – пока пра-пра… не тем будь помянут, проклятье не заработал.

– Я ублюдок, забыл?

– Ну да. Только в глазах всех это делает тебя еще более привлекательным объектом для сплетен. Эдгар, я знаю, о чем говорю, – в конце концов, я вырос среди этих людей. Я жил в доме герцога восемь лет.

Эдгар помолчал.

– Признаться, я уже начинаю жалеть, что согласился.

– Полагаю, так или иначе, тебе бы не оставили выбора, – пожал плечами Рамон. – С другой стороны, может, хоть так ты научишься просчитывать последствия своих поступков. А то старше меня, а ведешь себя не лучше Хлодия, право слово. У того одни героические баллады в голове, у тебя – святое писание. А как это совмещается с настоящей жизнью, ни его, ни тебя не волнует.

Эдгар хотел было возмутиться, но вместо этого снова надолго замолчал. Потом тихо сказал:

– Наверное, я просто не знаю, какая она – настоящая жизнь.

– Значит, пришла пора узнать, – так же негромко ответил Рамон.

Хуже всего было то, что читать у Эдгара не получалось. Он специально припас в дорогу свиток нового трактата о совершенстве божественном и о первородном грехе, но обнаружил, что не в состоянии одолеть ни страницы. Стоило только попытаться всмотреться в мелкую вязь букв, как морская болезнь, вроде бы не беспокоившая в обычное время, отчетливо давала о себе знать. Он честно попытался было не обращать внимания на слабость плоти – и едва успел вылететь на палубу и добежать до борта, занятого такими же страдальцами. Вторая попытка одолеть строптивый трактат закончилась столь же печально, а на третью молодой человек уже не решился. И оставалось только спать, молиться и размышлять. Рамон, судя по всему, становиться брату нянькой не собирался. Нет, он никогда не отказывался поддержать разговор, если оказывался рядом, – но чаще пропадал где-то среди пьющих или играющих в кости. Эдгар попытался было его образумить – ведь кости, как и любые игры, возбуждают алчность, коя есть грех смертный, – но приподнятая бровь и невероятно ехидная ухмылка остановили поток благочестия раз и навсегда.

Так протянулась неделя, и молодой ученый приготовился было к еще одной столь же тоскливой, заранее успев оплакать потерянное время, как все изменилось.

Он не был силен в морском деле и так и не узнал, предвещало ли что-то беду. Просто однажды ветер, начавшийся под вечер, превратился к утру в нечто, неописуемое обычными словами. Эдгар не знал, как это называется – буря ли, ураган или как-то еще. И правду говоря, ученому было не до того, чтобы подбирать правильное название. Удержать бы остатки ужина внутри и удержаться самому – нет, не на ногах, какое там! В мире не осталось ничего надежного, и казалось, что он сам вот-вот покатится куда-то, точно бочка с горы, грохоча и подпрыгивая. И оставалось только вцепиться во что-то – или в кого-то – и молиться. В кромешной тьме трюма, где свечи давно повыбивало из шандалов. Рядом кого-то выворачивало, кто-то выл в голос. И как раз когда Эдгар отчетливо понял, что рассказы о геенне огненной – вранье от начала до конца, а если и есть преисподняя, то она именно такова: темная, тесная и наполненная воплями грешников, – до него добрался Рамон. Уму непостижимо, как он разыскал брата в творящемся вокруг безобразии, хотя, если подумать, их койки висели рядом. Но сейчас и сажень казалась бесконечной.

– Извини, пришлось Хлодия успокаивать. – Голос воина звучал не слишком ровно, но страха в нем не было. – Все-таки я его господин. Сейчас Бертовин приглядит, но поначалу вдвоем уговаривать пришлось, что все в порядке.

Тело снова потеряло опору, и Эдгар едва не закричал.

– У тебя странные представления о том, что такое «все в порядке».

Послышался негромкий смешок, и рука брата сжала запястье.

– Если корабль начнет тонуть, не думаю, что Господь сотворит чудо для меня одного. Порой я благодарен проклятью.

Кто-то упал прямо на них, с руганью откатился в сторону.

– Рамон… – Наверное, не надо было об этом спрашивать, раз ему до сих пор не рассказали, но молчать было и вовсе невыносимо. – Откуда оно взялось?

Тот ответил не сразу, и Эдгар приготовился было извиняться.

– Пять колен назад, – ответил наконец Рамон. – моему пра… неважно, в общем, моему предку глянулась крестьянка.

– Полагаю, она не оценила оказанной чести. – Эдгар удивился сам себе, откуда только взялись силы на ехидство?

– Правильно полагаешь. И он поступил, как сотни господ до и после него – взял девку силой.

– Я как-то читал воспоминания… – Паузы, наполненные чужими ругательствами и молитвами, были невыносимы, и Эдгар был готов говорить о чем угодно, лишь бы не молчать. – Не помню чьи, кажется, кого-то из королевской семьи, а написаны они были в начале века… получается, примерно когда все это происходило. Так вот, там было сказано, что порядочная женщина, если только она не законная жена, никогда не ответит согласием на предложение мужчины. Как бы она ни желала этого, ей помешает природная скромность, помноженная на хорошее воспитание. Поэтому не нужно бояться применить силу – чаще всего женщина и сама этого хочет, иначе зачем бы ей возбуждать желание в мужчине? Но, разумеется, следует хранить случившееся в тайне, оберегая ее честь. Получается, твой… наш предок не совершил ничего предосудительного.

– Может быть. – В голосе Рамона прозвучал сарказм. – Я впервые попробовал это дело в Агене, а там женщины отдаются с радостью и не стыдятся этого.

– Не может же целый народ быть настолько развратен…

– Эдгар, ты вроде не дурак, – фыркнул брат. – Подумай сам: ведь там женщину возьмут в жены после того, как она родит, – не раньше. Считается, что только так можно удостовериться, не бесплодна ли она… да и первые роды самые опасные. А тут она их уже пережила и, значит, родит еще. Так вот – ты знаешь какой-то другой способ зачать ребенка, если не в постели? И какая, к бесам, может быть «природная скромность», если любая девушка старается как можно быстрее родить и выйти наконец замуж?

– В голове не укладывается… – пробормотал ученый.

– Уложи. Иначе туго придется. Так вот, возвращаясь к предкам… Минули годы. Времена тогда были развеселые. Слабый король, на которого никто толком не обращал внимания, и его вассалы, перекраивающие земли под себя – кстати, именно тогда наш род и приобрел большую часть нынешних владений. И вот в очередной войне с соседями один из наемных отрядов нашего предка перешел на сторону врага. Наши хроники гласят, что сделали они это исключительно по наущению одного молодого человека, долго мутившего воду из ненависти к нашему роду. Возможно, причина была банальней, и им просто не заплатили – кто сейчас скажет. Как бы то ни было, предок показал себя неплохим полководцем. Он сумел повернуть ход битвы в свою пользу, несмотря на предательство. Наемников уничтожили, горстку взятых живыми повесили. За исключением того, на кого солдаты указали как на зачинщика. Его надлежало посадить на кол. В наущение. Опять же, кто знает, может, на парня просто свалили чужой грех – молод он был для зачинщика. Хотя порой бывает, что люди идут за вождем, не оглядываясь на его возраст.

– Тот парень был…

– Перед началом казни в ноги предку бросилась старуха, умоляя пощадить ее единственного сына – его незаконнорожденного ребенка. Единственную опору в старости, потому что замуж она так и не вышла – кто возьмет потаскуху с выблядком? Тот велел гнать ее прочь, сказав, что если б он считал всех своих ублюдков, то родичей у него было бы полкоролевства.

– И вот тогда она его и прокляла, – догадался Эдгар.

– Да, – кивнул Рамон. – Дословно сейчас не вспомню, да и вряд ли тот, кто это записывал, передал все слово в слово… смысл сводился к тому, что девять колен его законных наследников не проживут дольше ее сына.

Он снова замолчал, но в этот раз Эдгару не захотелось ни о чем расспрашивать.

– Предок сначала посмеялся, приказал выпороть старуху и прогнать с глаз долой, чтобы впредь знала, как себя вести при господине этих земель. А через неделю двух его старших сыновей унесла холера – одному было двадцать семь, второму двадцать три. Он приказал было разыскать старуху, но та как сквозь землю провалилась. Еще через два года лошадь сбросила с седла младшего, и тот свернул шею, не дожив неделю до двадцати двух. Обезумев от горя, предок

решил разыскать ту старуху во что бы то ни стало, попутно искореняя всех ведьм, подвернувшихся под руку. Получил благословение церкви – и костры запылали по всему графству. Тем более что ведьм тогда было не в пример больше – то скотий мор, то саранча, то еще какая пакость. Он все же нашел ту старуху, но не остановился, посвятив остаток жизни охоте на ведьм. И умер от удара, узнав, что пережил последнего внука.

– С тех пор так оно и продолжается? – осторожно спросил Эдгар.

– С тех пор так оно и продолжается. – Рамон поднялся. – Схожу на палубу, посмотрю, что там творится. Все лучше, чем болтаться в темноте от борта к борту и нюхать чужую блевотину.

– Ни зги ж не видно, как выход найдешь?

– Я помню примерно, куда идти.

Эдгар услышал, как брат, ругаясь под нос, роется среди вещей, потом тот повторил:

– Пойду посмотрю.

– Можно с тобой?

– Пошли.

Рамон крепко ухватил брата за запястье и потянул куда-то в темноту.

Глава 7

Пробираться сквозь трюм пришлось долго. Пару раз Эдгар свалился на брата, еще сколько-то раз на него самого приземлился Рамон, один раз под колено ударило что-то жесткое. Словом, казалось, что путь не закончится никогда, и ученый успел пожалеть о том, что увязался за братом. Потом Рамон остановился,

завозился в темноте. Эдгар почувствовал, как вокруг пояса обвилась веревка.

– Зачем это?

– Кто его знает, что там творится. Вовсе не хочется вылавливать тебя в волнах. Да и самому, если что, неохота бултыхаться невесть сколько, пока не найдут и не спасут или к какому-никакому берегу не прибьет. Тем более не хочется доживать дни, одичав, на каком-нибудь острове.

– А что, просто держаться не поможет?

– Может не помочь, – ответил Рамон и распахнул люк.

Слабый свет, льющийся с небес, после тьмы трюма показался ослепляющим. Эдгар зажмурился, тут же палуба в очередной раз ушла из-под ног. Пришлось волей-неволей открыть глаза и вцепиться во что-то, попавшее под руку. «Чем-то» оказался Рамон, зашипевший от боли – хватка у ученого была не слабая.

– Извини, – сказал Эдгар.

Небо вспыхнуло, раскалываясь на части, и на мгновение молодой человек потерял способность видеть, слышать и соображать. Когда чувства вернулись, Эдгар обнаружил, что сидит на палубе, а рядом, скрестив ноги, устроился Рамон. Стоять и в самом деле было невозможно.

Наверное, где-то рядом были матросы, что-то делали – Эдгар не видел ничего, кроме почти черного неба и серо-фиолетовых волн, то поднимавших корабль так, что казалось, можно коснуться туч, то ронявших его куда-то в глубины преисподней. Вода захлестнула палубу, оказалась со всех сторон, подхватила сильными лапами. Эдгар судорожно вцепился в веревку, потеряв всякое представление о верхе и низе и ощущая себя осенним листком, что летит по ветру. Волна схлынула, оставив его, ослепшего, отплевываться от горькой соли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Копье – отряд рыцаря.

2

Автор стихов Ирина Скульд

3

Верховая езда, копье, фехтование, плавание, охота, игра в шахматы, сочинение стихов

4

В средневековом театре женские роли играли мальчики.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shneyder_natal-ya/dvum-smertyam-ne-byvat

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить